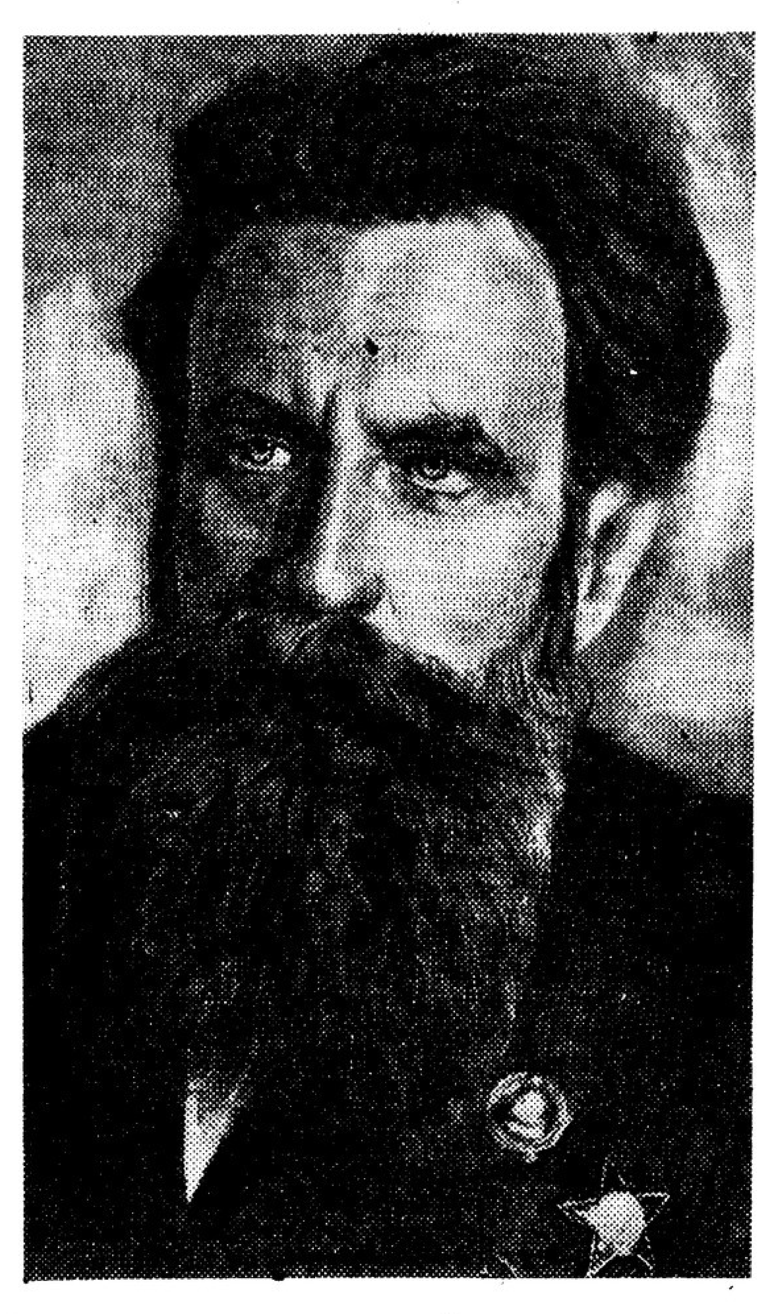
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Воскресенье, 30 мая 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 29 (665)

Участники экспедиции на Северный полюс: в центре — начальник экспедиции академик **О. Ю. Шмидт**, слева — герой Советского Союза **М. В. Водопьянов** и Герой Советского Союза **В. С. Молоков**, справа — летчики **А. Д. Алексеев** и **И. П. Мазурук**.

Важная задача

Наряду с разбором вопросов, связанных с авербаховско-троцкистской диверсией в литературе, союзу советских писателей предстоит теперь столь же серьезно разобраться в делах группы «Литфронт», представлявшей собою литературную агентуру право-левацкого блока Сырцова—Ломинадзе.

Эта группа возникла из беспринципного об'единения разгромленных последователей меньшевистской теории вульгаризатора Переверзева с остатками бывшей рапповской «левой». Беспалов, Зонин, Гельфанд, Бочачер, В Кин — переверзевские выученики об'единились с Горбачевым, Лелевичем, Гореловым, Камегуловым, С. Родовым, А. Безыменским для борьбы против РАПП.

Быть может, теперь бывшие литфронтовцы попытаются изобразить свои тогдашние позиции, как борьбу против авербаховщины. Однако такие попытки должны быть решительно отвергнуты.

По сути дела и авербаховщина и «Литфронт» с разных концов делали одно и то же дело подрыва советской литературы.

Авербаховцы проповедывали идеалистическую теорию непосредственных впечатлений, теорию «живого человека», «срывание всех и всяческих масок» с советской действительности и ее людей. Практически эти теории нашли свое выражение в романе Ю. Либединского «Рождение героя», в котором крупный партийный работник был изображен слюнявым и расслабленным хлюпиком, занимавшимся бесконечным самокопанием и рассусоливанием своих мелких ощущеньиц. Это был путь ликвидации советской литературы.

Литфронтовцы делали то же самое с другого конца. В противовес авербаховским теориям они выдвигали грубую лакировку, которая вела к замазыванию трудностей действительности, вела к самоуспокоению и усыплению советских литераторов. Литфронтовцы проповедывали плакатный схематизм и поверхностность, выступали против глубокого раскрытия в литературе жизненных, социальных процессов, под соусом актуальности протаскивали пустую декларативность, фразерство и декламацию. Они выступали против реализма, третируя все наследство великих реалистов прошлого, противопоставляя ему убогие романтические ходули, делая людей в своих произведениях одноликими рупорами своих поверхностных «идеек». Слово «Толстой» в устах литфронтовцев было чем-то вроде ругательства. Литфронтовец, враг народа Камегулов попытался изничтожить «Тихий Дон» Шолохова именно за то, что это произведение было глубоко реалистическим изображением жизни. Литфронтовцы повели поход против реалистического романа, против образа в искусстве, против большой литературы, выдвигая взамен наспех сколоченные агитки, фактографический очерк, плакатно-схематичное изображение людей с полным отказом от всякой психологии, как от чего-то буржуазного, как от чего-то, что не полагается иметь советскому человеку.

Теории «Литфронта» представляли собою причудливую эклектическую мешанину из меньшевистско-вульгаризаторских проповедей произведений Переверзева, из худших сторон лефовщины (фактография, вещизм), формалистских вывертов и троцкистских «теорий» Вардина, Горбачева, Лелевича. Практически вся эта враждебная мешанина была рассчитана на то, чтобы отрезать советскую литературу от великого классического наследства, чтобы ослабить и дезориентировать ее, чтобы под прикрытием левацких криков о боевом, злободневном, публицистическом и т. д. призвании литературы свести ее к дешевой фактографии и убогой лакирующей схеме. Это был путь ликвидации советской литературы, это был отказ от литературы как средства познания мира и глубокого проникновения в жизнь.

«Литфронт» слагался из самых разнородных элементов. Здесь был И. Беспалов, который, исходя из переверзевской теории, договорился до того, что об'явил великого писателя пролетариата М. Горького мелкобуржуазным художником. Здесь был участник контрреволюционного право-левацкого блока Зонин, который, между прочим, роман «Через отмели» литфронтовца Б. Дайреджиева, в котором нашли место троцкистские настроения, об'явил «Цементом» реконструктивного периода». Здесь был Б. Резников, который до того успел еще побывать в антипартийной литературной группе «Настоящее» в Сибири.

В «Литфронт» входил небезызвестный «критик» П. Рожков, который и после ликвидации «Литфронта» в течение нескольких лет продолжал проповедь своих «теорий» со страниц «Нового мира». В «Литфронт» входил критик Тарасенков, столь еще недавно без меры прославлявший Пастернака.

За годы, прошедшие со времени разоблачения право-левацкого блока, агентурой которого являлся «Литфронт», многие его члены были разоблачены, как заклятые враги народа. Презренные двурушники Горбачев, Майзель, Камегулов, Горелов, Ольховый, Лелевич, Кушнер и другие агенты контрреволюции после вынужденной самоликвидации «Литфронта» продолжали борьбу против партийной линии в литературе, против социалистического реализма, подрывая советскую литературу.

Естественно, что те литераторы, которые в свое время входили в «Литфронт», поддерживали его и служили ширмой для антипартийной «работы» право-левацкого блока, должны подробно рассказать о своей деятельности в «Литфронте», дать об'яснения писательской общественности, помочь раскрытию тех методов, которыми орудовал классовый враг в литературе.

Авербаховщина и литфронтовщина суть две стороны одной и той же гнусной медали. Писательская организация должна вырвать корешки этих вражеских организаций в литературе, чтобы совершенно очистить и писательские ряды и всю литературную атмосферу для упорной созидательной, творческой, подлинно социалистической работы.

ПИСАТЕЛИ ПРИВЕТСТВУЮТ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ ПОЛЮСА

Начальнику экспедиции на Северный полюс тов. ШМИДТУ
Командиру летного отряда тов. ВОДОПЬЯНОВУ
Начальнику Дрейфующей станции «Северный полюс».
тов. ПАПАНИНУ

Радио передало дополнительные сводки о блестящих полетах и посадках на Северный полюс советских самолетов, пилотируемых тт. Молоковым, Алексеевым, Мазуруком.

Президиум союза советских писателей СССР от имени всех советских писателей с чувством величайшей радости и гордости приветствует отважных сынов великой нашей родины, завоевавших Северный полюс. Мы гордимся вашим отважным подвигом, достойным мужественных героев Страны Советов.

ПРЕЗИДИУМ ССП СССР.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ДОБЛЕСТЬ

На север, на север, на север — вперед!
Нас за сердце доблесть людская берет.
На север летят в голубом полыханьи
Гидролог и летчик, радист и механик.
Над ними пурга запевает в рога.
Им гибель грозит, ледяная карга.
Зеленые льды, — частоколы и зубья, —
Скрежещут, ползут над чернеющей глубью.
Но солнце над ними стоит в небесах —
Все двадцать четыре часа на часах.
Но слажено все для рекордного дела.
За каждым прибором страна доглядела,
Варила им сталь, шлифовала стекло,
Чтоб ночь распахнуть перед ними светло.
К ним рвутся цветов золотые охапки,
Оркестры, знамена, и руки, и шапки.
А там, — опрокинутой чашей вися —
Им наша планета подарена вся,
А там, — еле видный народом во тьме,
Пунктиром намеченный в светлом уме,
Вот он, в сочетаньи расчета и риска,
Весь путь от Московского моря до Фриско.
Бушует весна. Начинается год.
Они остаются в кольце непогод.
Их четверо. Благословенно их имя.
Гордись же, страна, сыновьями своими!
Вселенная! Безостановочно мчась,
Навеки запомни минуту и час,
Когда водрузили на льду новоселы
Наш флаг — человеческий, красный, веселый.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

О советском писателе

Капитан Анхель Антем, участник испанской делегации, спрашивал меня, каковы материальные условия труда советского писателя.

На этот вопрос мне неоднократно приходилось отвечать во время поездок в Западную Европу. Каждый раз я обстоятельно раз'яснял глубокую принципиальную разницу, существующую между писателем советским и писателем буржуазным. Капитализм, приручая продажных писателей, развращает даже честных литераторов. Я, разумеется, не говорю о таких писателях, бойцах-антифашистах, которые связали свою судьбу с делом демократии и прогресса.

Буржуазный писатель поставлен в такие условия, которые культивируют в нем черты индивидуализма, оттирая на задний план общественное значение литературного творчества. И в этом он является антиподом советского писателя.

Нельзя себе представить советского писателя, оторванного от советской общественной среды. Нам кажутся очень наивными житейские идеалы некоторых дореволюционных писателей: собственная вилла на берегу Черного моря, автомобиль. Все это, право же, ничего общего не имеет с нашими мечтами, нашими идеалами.

Каковы взаимоотношения советского писателя и советской общественности, можно проследить и на моей личной биографии.

Я, житель станицы Вешенской на Верхнем Дону, в годы гражданской войны боролся за победу советской власти. Меня родила, воспитала советская власть и партия большевиков. Я — сын советского народа. И заботу советской власти обо мне я не могу называть иначе, как ласковой материнской заботой о сыне.

Другой участник делегации, Антонио Эскабьеда, спрашивал, есть ли в СССР литературная академия, аналогичная мадридской, и практика присуждения премий за наиболее выдающиеся произведения наподобие премий Нобеля или братьев Гонкур.

Прежде всего, мы считаем, что сама эта практика глубоко порочна. Достаточно сказать, что премии Нобеля так и не удостоился такой великий писатель, как Максим Горький. С другой стороны, в нобелевские лауреаты попал лишенный почвы, родины и читателей, чуждый современности, реакционный по своей идеологии писатель Ив. Бунин.

У нас, в советской стране, лучшей премией для писателя является внимание читателя. Произведения наших писателей, снискавших популярность и признание, издаются в миллионных тиражах. Вот это является для нас лучшей наградой.

Капитан Антем интересовался еще тем, почему союз советских писателей не входит в Пэн-клуб, международное об'единение писателей. На этот вопрос ответить несложно. Членами Пэн-клуба являются и фашисты. А мы, советские писатели, не можем входить в литературную организацию, где обретаются фашисты.

В этой связи хочется сказать несколько слов о том, как советские люди относятся к героической борьбе испанского народа против фашизма и реакции.

Мне вспоминается, что в английской палате общин некий депутат, коснувшись скандальной позиции комитета по невмешательству, сокрушенно заявил, что он разочарован деятельностью упомянутого комитета.

Вот этот глагол «разочароваться» совершенно чужд нашему лексикону.

Мы **возмущены** политикой Лондонского комитета, превратившего невмешательство в завесу для фактической блокады республиканской Испании. Наши сердца кипят негодованием, когда мы видим тактику бесконечных уступок интервентам, маскируемых «гуманистическими» резолюциями.

Мы следим с неослабным вниманием за героической борьбой республиканской Испании. Вместе с тем у нас вызывают чувство глубокой тревоги такие события, какие имели место недавно в Каталонии. Троцкистско-фашистские элементы, спровоцировав некоторые группы анархистов, пытались в тылу республиканского фронта организовать мятеж с целью подрыва народного фронта.

Нельзя не вспомнить при этом об опыте нашей революции. Известно, что советская власть непримиримо боролась с врагами трудящихся, и мы победили потому, что беспощадно громили и разгромили всех изменников и предателей дела рабочего класса.

В какой бы уголок Союза ни заглянула делегация испанского народа, посетившая Страну Советов, наши героические товарищи всюду встретят глубочайший интерес к событиям в Испании и подлинную, горячую любовь к республиканским бойцам. Я проживаю постоянно в станице Вешенской, и мне приходится часто слушать искренние, бесхитростные заявления казаков и казачек о том, как близка их сердцам благородная борьба испанского народа за независимость.

Жгучей ненавистью ненавидит наш народ современных каннибалов — фашистов.

Любовной заботой окружает наш народ своих братьев, которые с оружием в руках, на передовых позициях борются с фашистской реакцией. Мы глубоко верим в вашу победу, товарищи! Наши сердца, наши симпатии — всегда с вами!

ДЕЙСТВИЯ ВРАГА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Из речи тов. ЮДИНА (Отдел печати ЦК ВКП (б) на IV московской городской партийной конференции

Товарищи, я хочу остановиться в своем выступлении на некоторых вопросах теоретической работы в области марксизма-ленинизма. Должен сказать заранее, что состояние теоретической работы в области марксизма-ленинизма в специальных институтах, журналах и учреждениях, занимающихся вопросами теоретической работы, очень плохое.

Московский горком партии в практике своей работы содержанием деятельности партийных организаций этих институтов занимался мало и руководил этими организациями плохо.

Всем известно, какое значение наша партия всегда придавала вопросам теории. Идейное воспитание членов партии, теоретические знания, теоретическая подготовка большевиков, идейная чистота, принципиальная непримиримость марксистско-ленинской теории ко всяким чуждым враждебным идеям всегда выдвигались Лениным и Сталиным, как условие успешной деятельности пролетарской партии. Ленин учил, что без революционной теории не может быть и революционной практики. Сталин учит, что теория должна вооружить практиков, дать им силу ориентировки.

На последнем Пленуме ЦК партии товарищ Сталин выдвинул, как главную задачу партийной работы, овладение большевизмом. Овладение учением марксизма-ленинизма, учением Ленина, учением Сталина для каждой партийной организации должно быть главным содержанием ее работы.

Тем не менее, товарищи, уроки разоблачения японо-немецких троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов и убийц показывают, что многие члены партии забыли азбуку ленинизма — идейную непримиримость к врагам народа, многие члены партии забыли азы ленинизма, — что нужно воспитывать в себе ленинскую идейную стойкость. Эти азы ленинизма забыли и работники на теоретическом фронте.

Враги социализма — троцкисты и бухаринцы — использовали беспечность коммунистов, работающих в области теории, и, используя политическую слепоту членов партии, пролезали на самые ответственные участки: в издательства, в редакции журналов, в газеты, на педагогическую работу, преподавали в вузах, в ИКП. Они, эти враги, в значительной части вели и пропагандистскую работу.

Каких размеров достигает у некоторых коммунистов притупление политической бдительности и сколь они заражены идиотской болезнью беспечности, показывают следующие примеры.

Известно, какое значение имеет марксистско-ленинское учение о государстве. Ленин в лекции в Свердловском университете о государстве говорил, что трудно найти другой вопрос, по которому было бы столько борьбы и споров в истории, как вопрос о государстве. Теоретическая работа в области права и государства (это надо признать на конференции), — я говорю о специалистах, работающих на этом фронте, — находилась фактически на откупе у врагов народа, во главе с Пашуканисом. Пашуканис был редактором теоретических журналов. Пашуканис был директором Института права. Пашуканис читал лекции. Пашуканис писал учебники. Не один Пашуканис, их была целая банда.

Эти люди среди правовиков-специалистов считались своего рода непререкаемыми авторитетами. Очень плохо, что тов. Вышинский и в особенности тов. Крыленко, выступавшие здесь, не сочли необходимым об этом сказать партийной конференции. Это дело не далекого прошлого, а сегодняшнего дня. Враги маскируются — это правда. Но, товарищи, враги распоясываются, когда они чувствуют, что вокруг них сидят люди, которых можно обмануть, когда они чувствуют, что вокруг них сидят добродушные, беспечные люди.

Одним из примеров того, как враги распоясываются, является положение на теоретическом правовом фронте. Дело здесь в следующем: на протяжении больше десятка лет открыто проповедывалась троцкистская теория под видом всякой сугубой науки; так доказывалось, что пролетарское государство отмирает с первых дней Октябрьской революции. Так писали и так преподавали. Мы ставим задачу укрепления государства, а они доказывают, что оно отмирает, т.-е. фактически проповедуют ослабление мощи нашего государства.

Если обратимся к другим участкам теоретического фронта, — возьмите, например, историю, — и там положение не лучше. Положение в области истории очень тяжелое. Многие теоретические работы в области истории вели враги народа—Дубыня, Фридлянд, Пионтковский, Ванаг. Враги народа открыто в своих писаниях, книгах и учебниках проповедывали троцкистские идеи. Фридлянд систематически в буржуазном духе освещал историю Запада и с особой любовью преподносил из прошлой истории факты террористической деятельности. Ванаг по-троцкистски на протяжении десятка лет об'яснял историю 1905 и 1917 годов.

В области философии длительное время господствовали, писали книги и учебники враги народа — троцкисты и правые — Карев, Стен, Подволоцкий, Ральцевич и другие.

Журнал «Под знаменем марксизма», который призван бороться с враждебными теориями, за последнее время превратился в скучный, неубедительный, неинтересный, беззубый сборник статей. И Центральный Комитет партии специальным решением признал работу журнала «Под знаменем марксизма» неудовлетворительной.

Для характеристики положения на некоторых участках идеологического фронта остановлюсь еще на положении в области литературы. В литературе на протяжении длительного периода, до самого последнего времени, существовала троцкистская организация, возглавляемая заклятым троцкистом, вероломным групповщиком, клеветником, до безобразия отвратительнейшим человеком — Авербахом. В эту группу входил Киршон, этот буржуазный насквозь человек, автор политически фальшивых, а подчас и вредных пьес, мастерски создававший для себя славу и деньги.

Киршон, пользуясь покровительством Ягоды и Авербаха, создавал себе совершенно незаконное положение в литературе. Есть у него пьеса «Большой день», она представляет клевету на Красную Армию.

Какие люди входили в эту компанию? Бруно Ясенский — участник пилсудских легионов в борьбе против Красной Армии. В 1929 году он уехал во Францию, вступил в коммунистическую партию и после этого приехал в СССР. Рекомендацию ему дал старинный польский шпион Домбаль. В партию его приняла организация, состоящая из пяти шпионов. Ясенский сам дает рекомендацию на в'езд в СССР двум польским шпионам. Ясенский привозит жену, и она — шпионка.

Спрашивается, кто же сам Ясенский? Написал он роман «Человек меняет кожу». Даже название характерное — только кожу меняет человек. В этом романе он выводит главного героя — и мастерски сделанного, надо отдать справедливость, — английского шпиона. Надо полагать, что это автопортрет самого Ясенского.

Цинизм этих людей дошел до того, что когда Афиногенова спросили на собрании писателей, что тебя связывало с Ягодой, он ответил: за спиной комиссара государственной безопасности я чувствую себя вне опасности. Это предел цинизма разложившегося человека.

Партийная группа и парторганизация союза писателей сейчас начинают разоблачать этих людей, но там много еще благодушия и почитания незаслуженных имен.

Когда при выборах в партком один человек робко сказал: — Ясенский, кажется, со шпионами связан, — этого смельчака одернули, и Ясенского все-таки выбрали в партком. Как вам понравится степень бдительности этой организации!?

Товарищи, как видите, положение на ряде участков идеологического фронта очень неблагополучно. Я не сгущаю краски, не преувеличиваю трудностей и провалов, которые получились в области теоретической работы в специальных учреждениях и организациях.

Это, товарищи, говорит о том, что мы в практической своей партийной работе — и райкомы партии, и МГК партии — этими организациями, этими людьми занимались совершенно недостаточно. А ведь мы — московская организация, столичная организация — и должны служить примером во всех отношениях для других организаций Союза.

Товарищи, с построением социализма, когда социалистическая культура начинает могуче развертываться, поворот в политической жизни страны, осуществление Сталинской Конституции все больше и острее выдвигают на первый план вопросы политического и культурного воспитания масс, вопросы теоретической и идейной работы. И эти вопросы надо ставить в план работы наших комитетов и Московского Комитета, и не только его аппарата и отделов, но и секретариата, и бюро, и пленума.

Теоретическая работа, очищение теоретических участков от чуждых людей, выдвижение новых людей из выдержанных, преданных членов партии, — все это является важнейшей задачей партийной работы в борьбе за выполнение решений Пленума Центрального Комитета партии.

Г. Ф. БАЙДУКОВ
Герой Советского Союза

КОГДА ЧЕЛОВЕК ТЕРЯЕТ ЗЕМЛЮ...

Я вас спрашиваю: бывали вы когда-нибудь на высоком мосту, нависшем над чистым и большим прудом? Бывали? Значит, вы так же, как и я, созерцали безмолвный и неподвижно-прозрачный пруд. Вглядываясь в воду, вы чувствовали, как постепенно теряете ощущение высоты. Сколько же метров до воды? Не правда ли, трудно определить? Иногда вам кажется, что вы видите дно, даже различаете камни, а иногда водная поверхность ускользает из поля вашего зрения, она становится неощутимой, вы не можете сказать, как высоко вы находитесь над водой. Но стоит вам достать из кармана клочок бумаги, скрутить его в комочек и бросить в воду, и вы сразу же по круговой ряби получаете полное ощущение высоты.

А не бывало ли с вами, что вы натыкались на большое зеркало, вделанное в стене? Вы понимаете, какой казус произошел с вами потому, что вы почти не видели хорошо отполированной зеркальной поверхности и не могли определить до нее расстояния?

Этот маленький прозаический ввод пригодится нам для того, чтобы понять, как иногда глаз — несовершенный человеческий аппарат — может подвести летчика.

...Огромная степь была занесена снежным покрывалом и казалась сверху неестественно белой и неощутимой. Дул сильный ветер. Над степью низко плыли облака. Густо валил снег.

Лыжные отряды нашего полка уже давно прошли. Следы от лыж замело снегом. Мы то и дело встряхивали снег с сигнального полотнища, лежавшего на белом холодном покрове. Я стоял на посту связи и вместе с товарищами поджидал появления самолета-разведчика. Мы должны были передать летчику важные распоряжения.

Самолет-разведчик появился неожиданно из-за мутной марлевой сетки бесчисленных снежинок, падающих из быстро несущихся туч.

Экипаж самолета увидел нас. Самолет начал плавными кругами ходить над сигнальным полотнищем. Однако сильный ветер относил самолет быстро в сторону. Летчик обязан был с наветренной стороны закладывать глубокий вираж, несмотря на высоту метров в двести-триста. Экипаж принимал нашу радиограмму.

Радиограмма уже подходила к концу, мы начали упаковывать свое хозяйство, а самолет продолжал кружиться, теряя метр за метром.

Когда мы передавали летчику последнее слово, он лихо закладывал над нашими головами вираж на высоте каких-нибудь трех метров от земли!

Еще секунда, и самолет врезался в снежную равнину.

Из-под обломков выбрался летчик. Он оказался симпатичным и откровенным молодым человеком.

Стряхивая с комбинезона снег, он говорил:

— Не понимаю, каким образом мы очутились на этой злосчастной земле! Ведь мы же находились от нее по крайней мере в ста метрах. Даю вам слово, что сверху прямо невозможно определить, сколько же оставалось до земли — двести или ноль метров. А летнаб мой все просит: пониже да и пониже. Вот и долетались!

— Видимо, ваш летнаб молодой, — перебил я. — В таких случаях, когда под самолетом расстилается однообразный снежный пейзаж, легко потерять ощущение высоты. Доверяя глазу, ваш летнаб мало обращал внимания на альтиметр, который является лучшим помощником.

★

Этот маленький эпизод из моей летной жизни пришел мне на память, когда из радиограммы я узнал о том, как блестяще посадил на дрейфующую льдину Северного полюса корабль «СССР Н-170» Михаил Водопьянов.

А. ЭРЛИХ

№ 56

Самолет мчал над ледяной пустыней. Густой туман и толщи облаков окружали его. Изморозь оседала на стеклах кабины. Человек за рулем уносился все дальше к заветной точке, к пределу, к недостижимому пункту, куда сходятся в узел все меридианы. Полюс! Крутой вираж — машина пошла в обратный путь.

Знаменитый полет американского летчика Бэрда является наиболее чистым выражением буржуазного интереса к полюсу земли. Человек достиг недостижимого и тотчас же вернулся обратно. В этом, и только в этом, заключалась вся задача. Отвага, в которой нет и на грош смысла. Героизм, направленный к достижению идеального нуля.

Величайшие исследователи-полярники Фритиоф Нансен, Роальд Амундсен, Роберт Пири обогатили человеческие знания многочисленными научными открытиями, добытыми ценою неиз'яснимых трудов и лишений.

Но буржуазии не было дела до этих дополнительных обстоятельств.

Капиталистические государства вовсе не затрачивались на экспедиции. Что находится на полюсе — земля ли, чистая вода, вечный лед — не все ли равно, если там нечего и некого эксплоатировать?

Герои-путешественники на Северный полюс все без исключения должны были обладать одним непременным качеством: полной бескорыстностью и готовностью жертвовать собственной жизнью и личным имуществом. В лучшем случае удавалось заручиться поддержкой какого-нибудь бесшабашного мецената.

Государства же оставались в стороне, и капиталистический мир бесплатно следил за мучительными испытаниями героев, движимый исключительно страстями спортивных «болельщиков» и сторонних наблюдателей. Он ни в чем не помогал своим героям и никак не содействовал им.

Полюс был всегда магнетической пробой бескорыстных энтузиастов. Полюс был и остается заветной точкой земли для самых лучших, самых благородных представителей человечества, где сурово испытываются такие качества, как выносливость, мужество, бесстрашие, целеустремленность, неиссякаемое трудолюбие, неугасимая любознательность.

По мере роста техники уменьшались трудности и опасности проникновения на север. Все яснее становилось, что авиация может победить их. Но именно тогда и об'явилось полное равнодушие буржуазии к полярным пустыням, именно тогда отважные атаки полюса с Запада до конца выродились в спортивные прогулки: и Бэрд, и Вилкинс с Эйельсоном, и Нобиле достигали полюса или пролетали над ним, но ни в какой мере не интересовались его тайнами.

★

«№ 56». Под таким номером зарегистрирована новая советская зимовка. Дрейфующая зимовка. Впервые поставлена цель — не только открыть полюс, не только достичь его, но провести здесь долгие месяцы, черпая из океана на нем и из «шапки холодного воздуха» над ним важнейшие тайны планеты.

Дрейфующая зимовка № 56.

Под таким скромным названием мы построили на льду, в заветной точке научную станцию, которая сыграет величайшую роль в культурном развитии человечества.

Полюс делает погоду на земле, и мы узнаем его законы. Климат Европы находится в существенной зависимости от масс полярного воздуха, и долгосрочные прогнозы синоптиков вскоре получат надежную научную основу.

Безопасное мореплавание в ледовитых широтах невозможно без глубокого научного исследования дрейфующих льдов, без изучения верхних и нижних течений, без физических и химических анализов тех разнообразных процессов, которые происходят в толще воды. Зимовка № 56 вскроет все эти тайны в центре полярного бассейна, и тогда будут установлены законы, управляющие движением льда у берегов. Великий северный морской путь будет окончательно и надежно завоеван нами.

Биологические работы, изучение жизни в толще полярных вод, наблюдения над земным магнетизмом, множество геофизических задач, исследования по распространению радиоволн, решение многих проблем, имеющих важнейшее значение для безопасных полетов в районе полюса, над полюсом и через полюс для осуществления будущей кратчайшей связи Европы с Америкой, — вот далеко неполный перечень научных задач советской зимовки № 56.

★

Наши летчики—полярники, бортмеханики, штурманы, радисты вызывают восторг и восхищение во всем мире. Большевики побеждают и подчиняют себе природу блестящей организованностью и личными качествами.

Мы завоевали полюс и вырвем для человечества его тайны не только потому, что наши люди отличаются бесстрашием, мужеством, выносливостью, несгибаемой волей и высоким трудолюбием, но также и потому, что государство щедро организует победу. Пролетарское государство воспитало замечательных полярников и оно же снарядило мощную, богато оснащенную новейшими техническими средствами, экспедицию.

Великой гордостью проникается сердце — гордостью за свою страну и своих сограждан.

№ 56 — это новая демонстрация нашей авангардной роли в истории человечества.

Фашизм заливает землю кровью. Фашизм сегодня громит города и села Испании, завтра обрушится на весь мир, чтобы задержать движение трудящихся к свободе и к счастью.

Фашизм шлет свои самолеты на Пиринейский полуостров, чтобы расстреливать с воздуха женщин и детей в очередях у продовольственных лавок. Фашизм пользуется современной техникой для уничтожения или порабощения трудящихся.

Мы непрерывно расширяем границы человеческих знаний для счастья мира, мы посылаем самолеты в недостижимые края для научных подвигов, мы создали высокую индустрию и все выше подымаем отечественную технику, чтобы обогатить человеческую культуру, всесторонне развить человеческую личность и примером своим указать всем народам мира истинный путь к вершинам человеческой истории, к подлинному расцвету культуры, науки, техники, искусства.

Н. БОБРОВ

Командир «СССР Н-171»

Смутно припоминает Василий Молоков околицу родного села Иринское. В предрассветный час идет он, мальчик, вместе с матерью по большой, безлюдной дороге в Москву искать счастья и заработка.

В Москве мать встретила земляка. Он работал на табачной фабрике Попова. Земляк предложил познакомить мальчика с квартирным хозяином, который поставлял коробки на фабрику. Свиданье с хозяином назначили в трактире. Долго торговались, какое положить жалованье Васе Молокову. Мать просила полтора рубля в месяц, хозяин давал рубль. Наконец, сговорились платить Васе один рубль десять копеек. Харчи хозяйские. Одежда своя.

И пошел с тех пор Василий Молоков по людям. Что только ни делал: и коробки клеил, и молотобойцем был, и слесарем.

Радости его не было конца, когда узнал, что один механик согласен взять его в помощники.

Как-то рано утром Молоков шел на работу. По дороге его остановил городовой.

— Эй, парень, почитай-ка!

И указал рукой на об'явление, приклеенное к забору. Молоков ответил:

— Я читать не умею.

— Здесь написано, что война об'явлена, — сказал городовой.

Так впервые Молоков услышал про войну. Вскоре об'явили призыв его года рождения. Ночью он простился с матерью и уехал в Петроград, в Дерябинские флотские казармы.

Тяжело было Молокову с его упрямым характером жить в казармах. Сапоги взводному он не чистил, за чаем не бегал. Не взлюбил беспокойного солдата отделенный командир. И погнали непокорного парня на остров Эзель.

Молоков очутился в среде штрафных моряков. Вскоре его перевели на другой остров —Нигербю, около Швеции — строить ангар.

Об'явили однажды, что авиационным механикам нужны помощники. Требовалось для этого окончить сельскую школу и уметь слесарить. Слесарить Молоков умел, а с грамотой дело было совсем плохо.

Молодого парня определили помощником механика. Целыми днями сидел он у самолета, прислушиваясь к работе мотора.

★

В первые же дни после Октября Молоков вступил на революционный путь. То в пешем строю, то на самолете дрался он с белыми под Самарой. Бил белых и интервентов на Северной Двине, под Котласом. Вылетая затемно на тяжелой, продырявленной машине, бомбил англичан. Сбрасывая листовки, вербовал друзей среди английских солдат.

★

Отлетав на гражданской войне, Молоков попал в Севастополь, в школу морских летчиков. В ту пору он уже мог собрать любую машину, хорошо знал мотор, но читал плохо и еле-еле умел писать.

— Какой же ты морской летчик! — ругал он себя и тайком от товарищей ходил к учителю на-дом, брал уроки русского языка, физики и математики.

Время между тем шло. Молоков работал уже летчиком-инструктором. Полюбив машину, он развивал в себе выдержку, сосредоточенность, волю и терпение. Свои рабочие руки, лежащие на штурвале, он приучал к четким, эластичным движениям. Неутомимый в труде, он горел желанием совершенствовать силу и размах советской авиации. Его не пугали трудности. Наоборот! Борьба с трудностями и победа над ними — самая лучшая жизнь, — думал он про себя, добиваясь перевода на летную работу в Арктике.

На всесоюзном аврале по спасению челюскинцев Молоков работал молча и сосредоточенно, совершая один рейс за другим. Вталкивая людей в узкий парашютный ящик, подвешенный под крылья самолета, Молоков мастерски взлетал с небольшой площадки льдины и с такой же виртуозностью вновь опускался на нее, чтобы забрать новую партию челюскинцев. Он перевез тридцать девять человек.

Задание на трансарктический перелет в 1936 году было дано Молокову начальником политуправления Главсевморпути тов. Бергавиновым в виде боевого приказа:

— Полетим на Чукотку.

— Есть, полетим на Чукотку, — ответил Молоков.

Цель перелета была двоякая: надо было пройти на самолете от Чукотки до Архангельска над Северным морским путем, изучить его авиационные возможности и на всем этом огромном пути проверить работу хозяйственных и партийных организаций Арктики.

Молоков отчетливо представлял себе все трудности пути. Поджидали его штормы, пурга и липкая, обволакивающая мгла, угрожающая самолетам обледенением. Летчик знал, что свирепый ветер будет бросать его самолет, как игрушку, на триста-четыреста метров, что рискованно на перегруженной лодке лететь над скалами Джугджурского хребта на высоте двух тысяч метров.

Спокойствие его вошло в поговорку. Оно проявлялось в умении выжидать погоду и в мастерстве летать в ненастье.

★

Всем известно, какие трудности пришлось преодолеть Василию Сергеевичу Молокову в своем трансарктическом перелете. Возвращаясь с Командорских островов, ему пришлось совершить вынужденную посадку на море.

Волны заливали самолет. Стоять на месте было невозможно. Восемь часов под ряд Молоков вел в ночи самолет по морю на гребневой волне, ожидая, пока рассеется туман. Рано утром показались верхушки сопок.

Семнадцатого августа, преодолевая сильный лобовой ветер, Молоков прилетел в Анадырь, на Чукотском полуострове, а спустя пять дней он был уже на острове Врангеля и принимал участие в праздновании десятилетия советизации острова. Но вот и бухта Тикси, и мыс Нордвик, и селение Хатанга, и становище Кресты позади. В Арктике наступила зима. Выпал снег. Неутомимый Молоков прокладывает путь дальше.

Отклонившись от маршрута, Молоков слетал на поиски пропавшего самолета и спустя четыре часа обнаружил его экипаж на одном из безымянных островков, недалеко от Диксона. Вот он кружится над сплошными льдами, выискивая разводья, узкие проходы, куда можно было бы направить морские суда. Летчик сверху видит, как ледокол «Литке» долбит десятибалльный лед, пробивая дорогу пароходам с грузами для Якутии. Молоков не может совершить у ледокола посадку, и он по радио сообщает Отто Юльевичу Шмидту, находящемуся на ледоколе, что в десяти милях от ледокола чистая вода.

Прощальные круги над ледоколом... И снова Герой Советского Союза, страстный исследователь Арктики, берет уверенно курс на мыс Челюскин и обратно — на остров Диксон.

Новое испытание! Седьмого сентября вечером самолет Молокова врезался в туман и дождь. Нужно немедленно садиться. Но куда? На плавающий лед? Долго идет Молоков бреющим полетом. Его глаза ищут хотя бы крохотного водяного пространства. Наконец, посадка произведена. Кругом льды. Ревет ветер. Всю ночь самолет маневрирует среди льдов и дрейфует вместе с ними. Молоков то забрасывает на них якорь, то, боясь быть раздавленным их тяжестью, заводит мотор и, маневрируя, ищет чистую воду. После девятичасовой борьбы со льдами экипаж обнаружил маленький островок и подрулил к нему. А в восемь утра Молоков уже снова летел над льдами, держа курс на остров Диксон.

★

Только в годы революции Молоков достиг высот культуры и технического совершенства. Увенчанный всемирной славой Героя Советского Союза, он сохранил в себе чудесную скромность большевика-труженика.

Три года назад Молоков выступал перед английской аудиторией с рассказом об эпопее спасения челюскинцев. Свой рассказ он закончил так:

— О нас писали, что мы играли со смертью, что в отношении советских летчиков сама смерть теряла свою власть. Если это была игра, то основанная на точном расчете. Ваш председатель лорд Марлей говорил о героизме, который проявили челюскинцы и летчики. Позвольте вам заметить, что я только выполнил долг советского летчика перед своей страной и своим правительством. Я думаю, что все другие советские граждане, получившие такое задание, тоже выполнили бы его, ибо в нашей стране понятие долга перед своей родиной — это высший закон.

Эти слова ярко раскрывают образ Василия Сергеевича Молокова — рабочего, большевика, любимого народом Героя Советского Союза, блестяще посадившего свой корабль «СССР Н-171» на дрейфующую льдину полярной станции «Северный полюс».

Финальная сцена пьесы Героя Советского Союза М. В. Водопьянова «Мечта» в Московском Реалистическом театре — «Установка знамени на Северном полюсе».

СБОРНИК О ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Сборник **«Северный полюс завоеван большевиками»** выпускает в ближайшие дни Партиздат. Составлен он в основном из материалов, опубликованных в центральной печати — в газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др.

Специальный раздел сборника составляет исторический очерк об арктических экспедициях; описание всех попыток в истории человечества достичь Северного полюса.

Сборник будет богато иллюстрирован.

★

Партиздат выпускает массовым тиражом художественно-популярный очерк **«Мы завоевали Северный полюс»**.

КНИГИ ВОДОПЬЯНОВА

«Советский писатель» переиздает массовым тиражом автобиографическую повесть Героя Советского Союза М. В. Водопьянова **«От сохи к самолету»**.

Издательство послало т. Водопьянову на Северный полюс радиограмму с горячим поздравлением и просьбой написать книгу о своем изумительном полете на самую северную точку земного шара.

★

Издательское товарищество иностранных рабочих выпускает на немецком языке повесть М. Водопьянова **«Мечта пилота»**.

Книга выходит из печати в ближайшие дни.

Хэмингуэй об испанских событиях

В английской газете «Дейли уоркер» (12 мая) помещено интервью парижского корреспондента этой газеты с американским писателем Хэмингуэй, только сейчас вернувшимся из Испании.

— Я был против всякой войны, — сказал Хэмингуэй, — до того момента, когда увидел поля сражения Гвадалахары и поражение итальянских интервентов. Я считаю, что отступление итальянцев дало делу мира больше, чем все пацифистские кампании последних лет.

Все гражданские войны длительны. Для того, чтобы создать военные организации фронта и тыла и для того, чтобы превратить тысячи граждан в солдат, — нужны месяцы, а иногда и годы.

Это превращение может произойти только тогда, когда люди испытают на себе войну. Если не учитывать этого основного обстоятельства, можно получить неверное представление о характере гражданской войны в Испании.

Многие американские газеты совершили ошибку, неверно определив характер гражданской войны.

Военная ситуация в Испании с марта все улучшается. Новая республиканская армия, которая является образцом мужества и дисциплины, подготовляет в школах и академиях новые кадры. Я искренне верю, что эта армия, рожденная в борьбе, очень скоро заслужит всеобщее признание.

Как военный корреспондент я должен сказать, что только в немногих странах журналист находит свою задачу до такой степени облегченной, как в республиканской Испании, где журналист действительно может говорить правду и где цензура помогает ему в его работе.

В то время, как мятежники не разрешают журналистам проникать в занятые ими города, пока не пройдет несколько дней, в республиканской Испании журналистов приглашают быть свидетелями происходящих событий.

А. СТАРЦЕВ

Литературные будни в США

Заметки

Истекший литературный сезон в Америке не блистал событиями. Соотношение сил на литературном фронте мало изменилось. Большие писатели, от Драйзера до Хэмингуэя, хранили глубокое молчание. Новых ярких дарований как-будто бы не обнаружилось, хотя буржуазная литературная пресса, по обычаю, открыла за этот короткий срок нескольких Золя, двух-трех Достоевских и по крайней мере одного Свифта.

Тем не менее, наблюдая американскую литературу, можно было, конечно, заметить явления, представляющие общий интерес. Коснемся некоторых из них.

1.

Первое слово о романе **Маргарет Митчел «По воле ветра»**. Эта книга совершает уже год триумфальное шествие по Америке и является национальным «бестселлером», то-есть продается в максимальном количестве экземпляров. В первые же шесть месяцев ее тираж перевалил за миллион.

Обычно в миллионных тиражах в Америке выходят заведомо дрянные книжки, которые стоит читать разве только для того, чтобы знать, чем глушит буржуазия обывательское сознание, как развращают мысль и вкус среднего читателя. Настоящий случай нам кажется более значительным, и мы полагаем, что левая критика в Америке напрасно отмахнулась от романа Митчел.

«По воле ветра» — исторический роман, написанный на самую жгучую тему из истории США, именно на тему гражданской войны Севера и Юга. Роман написан отнюдь не беспристрастно.

Автор — учительница из Джорджии — пишет о «нашествии» северян с тупостью и мелочной злобой экспроприированной плантаторской дамы. С каким ликованием она сообщает, что в кармане убитого солдата северной армии были найдены «два широких золотых браслета, серебряный детский стаканчик, золотой наперсток, кольцо с бриллиантом, узорчатые золотые ножницы».

Роман кишит неграми, «до гроба преданными» своим хозяевам. Другие негры, неспособные к благодарности, плохо кончают у Митчел. Они покушаются на изнасилование белых женщин, и их убивает Ку Клукс Клан, бандитская террористическая организация южан, которые, по мнению автора романа, заслуживают всяческого уважения.

Художественная ценность романа, конечно, ничтожна, книга построена по стандартам «боевика». Действие со скрипом педалируется, когда нужно и когда не нужно. Читатель держится в беспрерывном напряжении и должен вскрикивать «Ах!» или, напротив, облегченно вздыхать через каждые двадцать страниц.

Нас в данный момент интересует не эта сторона, а общая идея произведения и ее роль в успехе книги и всей шумихи, поднятой вокруг нее.

Этот роман, написанный на историческую тему, направлен против истории. Автор не проповедует на страницах романа идею реванша, ибо даже сумасшедшим ясно, что реставрация старого Юга невозможна.

Автор проводит другую мысль. Он дает понять, что разруха и страдания гражданской войны были напрасны, что вообще История с большой буквы, вмешиваясь в частную жизнь людей, несет с собой неисчислимые несчастья, что подлинная живая жизнь, близкая душе человека, идет помимо истории, независимо от нее и наперекор ей.

Митчел внимательно листала «Войну и мир». Один из персонажей романа походит на Платона Каратаева, другой напоминает окарикатуренного князя Андрея. Однако наиболее сильное, неизгладимое впечатление на эту американку произвел, повидимому, заключительный эпизод с пеленками в семье Наташи.

Нет сомнения, что вульгарный пацифизм книги Митчел, спекулирующий на отвращении широких масс к войне за денежные мешки, реакционен, вреден, сбивает с толку читателя, плохо начитанного в истории.

Ленин в знаменитом **«Письме к американским рабочим»** писал:

«В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла **позади** 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на **таком** основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения **наемного**, капиталистического рабства, свержения власти буржуазии, — теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурающиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны». *)

Реакционеры всех званий во главе с фашистами заняты сейчас систематической фальсификацией исторического прошлого народов. Они стремятся скомпрометировать великую традицию борьбы народных масс за свободу и дипломатически обосновать «необходимость самовластья и прелести кнута». В этих условиях вопросы революционно-исторической беллетристики приобретают на Западе первостепенную важность.

Нам представляется, что талантливая, исторически правдивая книга на тему гражданской войны Севера и Юга, вышедшая из под-пера революционного автора, имела бы неоценимое значение для американских читателей.

2.

Умеренной сенсацией из области «освоения наследия классиков» можно считать вышедшую не так давно в издательстве «Рендом Хауз» пьесу, называющуюся **«Струи Эвона»** (Эвон, как известно река, на которой стоит Стратфорд, родина Шекспира).

На титульном листе книги обозначены два автора пьесы — **Вильям Шекспир** и... **Джордж Джин Нэтен.** Второй из авторов, известный ньюйоркский театральный критик и остроумец, взял на себя труд сделать из «Ромео и Джульетты», «Отелло» и «Укрощения строптивой» единое драматическое представление, основываясь на предположении, что герои первой из названных пьес не умирают, а, напротив, благополучно женятся и продолжают жить.

Действие «Струи Эвона» развивается в такой последовательности:

В первом акте пьесы происходят в ускоренном темпе известные события первых двух актов «Ромео и Джульетты». Во втором — Ромео выступает в роли ревнивца Отелло; его характер с годами переменился. Джульетта терпит горькие муки Дездемоны. В качестве Яго выступает Тибальд, который, разумеется, жив, ибо действие «Ромео и Джульетты» не пошло дальше второго акта. Впрочем, и здесь действие не доводится до роковой развязки. Оскорбленная Джульетта-Дездемона уезжает от Ромео-Отелло, и вот в третьем акте «Струй Эвона», построенном на материале «Укрощения строптивой», Ромео-Петруччио, ко всеобщему восторгу, смиряет непокорную Джульетту-Катарину. Занавес.

Эта композиция, нужно думать, будет реализована на театральной сцене, ибо из соавторов пьесы жив только упомянутый Джордж Джин Нэтен.

Другой ньюйоркский критик и остроумец Кристофер Морли, разбирая «Струи Эвона», с живым интересом отмечает отдельные моменты в пьесе, от которых, по его мнению, некоторых «чувствительных шекспирианцев» может хватить удар. Он отмечает также виртуозность композиции в целом, тактичное сохранение шекспировского текста и вообще счастливое преодоление вторым из авторов трудностей, заданных ему первым.

3.

На участке революционной и примыкающей к ней левой критики обращает на себя внимание деятельность **«Группы критиков»** — об'единения литературной молодежи, ставящего своей целью правдивое освещение истории литературы и пропаганду идей революционной эстетики.

Прошло то время, когда «разбойники пера», продажные троцкисты Истмен, Кальвертон и К°, позировали в Америке в качестве «марксистских критиков». Революционное литературное движение разоблачило их и вышвырнуло из своих рядов.

Не следует, впрочем, думать, что они отказались от подрывной деятельности на этом участке. Не так давно троцкистский выученик Джемс Фэрел выпустил провокационную книжку, в которой пытался, передергивая и подличая, забрызгать грязью критиков-коммунистов.

Главным деятелем «Группы критиков» является, повидимому, **Гренвиль Хикс**, пришедший в литературу из университетских кругов в годы кризиса. Все предприятия «Группы» — лекционно-пропагандистские и издательские — находят широкий, разносторонний отклик среди левой литературной интеллигенции и имеют бесспорный успех.

Реагирует на них и буржуазная литературная общественность, иной раз весьма курьезно. Так, в критическом еженедельнике был напечатан отзыв одного видного консервативного теоретика и историка литературы на изданную «Группой критиков» работу Плеханова «Искусство и общественная жизнь».

Основной мотив всей статьи — обида, горькая обида за то, что кто-то разрешил или пытался разрешить вопросы, которые почтенный автор статьи привык считать неразрешимыми. Некоторые из «проклятых вопросов» перечисляются по пунктам:

«Елизаветинская эпоха — это расцвет английского национализма, характерным проявлением которого была неприязнь к Испании и к Италии; между тем, основной материал для своих произведений елизаветинцы-драматурги черпали из итальянской литературы; в XVIII веке едва успел Филдинг создать законченную теорию романа в согласии с канонами классицистов, как Стерн в «Тристраме Шенди» без малейшей, об'ясняющей этот факт, причины не оставил от филдинговской теории камня на камне; Гете, автор второй части «Фауста», противоречит на каждом шагу Гете — автору «Геца фон Берлихингена»; где искать подлинного Оскара Уайльда, в «Намерениях», где утверждается, что искусство равно себе, или в «Дориане Грее», где утверждается гибельность такого воззрения, или же в «Балладе Редингской тюрьмы», представляющей страстную критику социального зла». И т. д. в том же роде.

«Марксистам между тем все ясно», — горько замечает профессор. — Действительно, если эти страшные проблемы будут разрешены в литературной науке, может стать как-то неуютно. Так бывает, когда в темной прихожей стоит старый комод, о который все бьют коленки. Комод, наконец, сдали в утиль, коленки зажили, а между тем чего-то милого сердцу нехватает, и простор не веселит. «Ах, это был отличный старый комод!..»

4.

Американский писатель коммунист **Майкл Голд** собрал в одну книгу свои очерки и фельетоны, которые он печатал последнее время в революционной прессе. Книга озаглавлена так же, как была озаглавлена ежедневная колонка Голда в «Дейли Уоркер»: **«Изменим мир!»** Это — блестящая книга, живая, мужественная, веселая, цельная. Нам кажется, что в Америке нет другого писателя, который мог бы создать такую книгу.

Синклер Льюис в речи, произнесенной при принятии нобелевской премии, назвал Майкла Голда в числе нескольких американских писателей, о которых должна знать мировая литературная общественность.

Тематика газетных вещей Голда, собранных в «Изменим мир!», очень широка. Здесь текущие вопросы американской и международной политической жизни, статьи о Советском Союзе, очерки о жизни и быте рабочих и фермеров, спорт, литература, художественная критика.

Памфлеты перемешиваются с репортажем, рецензиями, юморесками, но везде неустанная целеустремленность пропагандиста, везде серьезный, простой разговор с рабочим читателем на тему, которая близка и дорога обоим собеседникам.

Мы можем назвать по крайней мере два десятка очерков, врезывающихся в память. Вот великолепное «Любовное письмо Франции», написанное после парижского конгресса защиты культуры, на котором Голд был делегатом. Глубоко трогающее «Мой товарищ умер», посвященное памяти немецкого коммуниста Евгения Шенхара, убитого гитлеровцами вместе с Ионом Шером «при попытке к бегству». Маленький очерк о фермерах в захолустье Вирджинии, устраивавших громкие читки «Капитала» и пославших на собранные между собой деньги молодого парнишку в Советский Союз, чтобы создать связь со страной социализма.

Было бы очень хорошо, если бы наш читатель мог познакомиться с лучшими очерками книги Голда.

*) В. И. Ленин. Сочинения. Издание 3-е. Т. XXIII, стр. 184.

НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ СМЕРТИ А. М. ГОРЬКОГО

Библиотечка Детиздата

Детиздат ЦК ВЛКСМ отмечает первую годовщину со дня смерти Алексея Максимовича Горького выпуском специальной горьковской библиотечки, состоящей из десяти книжек: «Дед Архип и Ленька»; «Дети»; «Челкаш»; «Макар Чудра»; «Песня о Соколе» и «Песня о буревестнике» — в одной книжке; «9 января»; «Как сложили песню»; «Неудавшийся писатель» и «Проводник» — в одной книжке; «Сказки об Италии»; «Дружки»; «Зазубрина» и «Зритель» — в одной книжке.

В качестве иллюстраторов привлечены художники Лаптев, Могилевский, Сурьянинов, Горощенко, Богословский, Турльгин и др.

Все десять книжек должны появиться на прилавке книжного магазина не позднее 18 июня.

Выставка в Ленинграде

Центральный парк культуры и отдыха в Ленинграде открывает большую выставку, посвященную памяти великого пролетарского писателя.

Выставку организует государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. На ней будут представлены многочисленные издания сочинений А. М. Горького, разнообразные материалы, отображающие замечательную жизнь и творчество Алексея Максимовича.

Особый отдел выставки посвящается работе А. М. Горького с начинающими писателями.

Новые труды о Горьком

Ленинградские литературоведы закончили ряд работ об А. М. Горьком.

С. Д. Балухатый составил справочник критической литературы о Горьком. Под редакцией С. Д. Балухатого в издательстве Академии наук СССР выходит отдельной книгой переписка А. М. Горького с А. Чеховым.

И. А. Груздев закончил первый том монографии «Горький и его время».

В. А. Десницким написаны воспоминания «Горький на острове Капри».

Н. К. Пиксанов работает над исследованием «Горький — наставник писателей».

«ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ»

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Союз писателей получил письмо из бухты Нагаево от бригады ленинградских молодых писателей (Е. Каралиной, К. Ванина, И. Крата), уже четыре месяца путешествующих по Колыме. На собаках и оленях, автомобилях и самолетах пройдены тысячи километров.

Писатели с восхищением описывают Колыму — огромный край, простирающийся от Охотского моря до Северного Ледовитого океана. Еще 5—6 лет назад это была почти неисследованная бездорожная окраина. Теперь здесь успешно разрабатываются несметные богатства недр, строятся города. По вечной мерзлоте проложена прекрасная автомобильная трасса в тысячу километров.

Колыма, Колыма —
Новая планета,
Двенадцать месяцев зима,
Остальное — лето...

Это—популярная колымская песенка. Но на Колыме в марте продавалась свежая «собственная» редиска, а в апреле—огурцы...

Сейчас бригада писателей работает над книгой об освоении и социалистическом преображении Колымы.

Книга названа **«Золотая земля»,** выйдет она к 20-летию Великой Пролетарской Революции в издательстве «Советская Колыма».

Аскиабаз (острослов) **Усман Коры Раимбеков.**

Рис. Усто Мумин

Камильджан Яшин-Нугманов

Еще в годы учения в Ленинграде Камильджан Яшин-Нугманов проявляет большой интерес к литературе. Он знакомится с произведениями классиков и современных советских писателей.

Его талантливые стихи сразу же обратили на себя внимание общественности Узбекистана.

В это же время Яшин начинает серьезно интересоваться и вопросами театра. Он глубоко изучает классиков мировой драматургии и советских драматургов.

Именно в этот период (1929 г.), находясь под влиянием русской драматургии, Яшин-Нугманов пишет свою первую драму «Ики коммунист» («Два коммуниста»). В этой пьесе ярко показана борьба трудящихся Узбекистана с басмаческими бандами.

Для узбекского театра пьеса Яшина-Нугманова имела колоссальное значение. Она прочно вошла в репертуар советского театра Узбекистана и вместе с другими советскими пьесами совершенно вытеснила с театральных подмостков произведения националистических авторов (Фитрата, Чолпана, Гулам Запари и др.).

После «Ики коммунист» на узбекской сцене одна за другой появляются пьесы советских драматургов.

Став драматургом, Яшин тесно сближается с театром, знакомится со спецификой сценического искусства.

Характерной особенностью драматургии Яшина является то, что она откликается на важнейшие задачи, стоящие перед партией и правительством. Все его пьесы написаны на актуальные темы, все они имеют большое воспитательное и политическое значение.

В 1930 г. Яшин пишет музыкальную комедию под названием «Ортакляр» («Товарищи»). «Ортакляр» сыграла большую общественную роль в деле борьбы за коллективизацию сельского хозяйства.

В 1932 г. Яшин пишет новую пьесу из колхозной жизни — «Яндрамыз». Эта талантливая пьеса до сих пор является одной из лучших современных узбекских пьес.

Радостная, зажиточная колхозная жизнь выдвигает из гущи народа замечательных героев. Показать этих новых замечательных людей — почетная задача молодой узбекской драматургии.

Новая пьеса Яшина-Нугманова — «Манус ва мухаббат» («Честь и любовь»), посвященная борьбе за хлопковую независимость Советского Союза, прекрасно радостную советскую действительность узбекского народа.

В 1932 году Яшин вместе с Музафар Мухамедовым написал пьесу «Ичкарида» на темы борьбы за раскрепощение женщины. Впоследствии он переделал ее в «Гюльсару», идущую сейчас с большим успехом в Москве.

Яшин не останавливается на достигнутых успехах. Он неустанно работает над собой, неизменно двигаясь вперед, к еще большему овладению мастерством драматургии.

АНКАБАЙ

Декада узбекского искусства

МУХТАР АШРАФИ
Композитор и дирижер

За творческое содружество

Узбекская музыка и литература

В истории развития музыки литература всегда играла большую роль. Во многом обязана ей и узбекская музыка. В частности большие и неоценимые услуги оказал ей известный в Узбекистане поэт, драматург и композитор **Хамза Хакимзаде,** трагически погибший в 1928 году (убит врагами пролетариата). Он первый стал на путь создания революционной песни, хотя и примитивной, одноголосной, но очень прочно утвердившейся.

Сейчас узбекская музыка находится в той стадии развития, когда для дальнейшего своего роста она особенно нуждается в тесном содружестве с писателями, драматургами, поэтами.

Не мало еще препятствий встречает она на своем пути. Националисты, например, всячески стараются не допускать введения симфонического оркестра или гармонизации узбекской песни. С другой стороны, представители «левого» течения считали, что узбекскую музыку надо сразу инструментовать по-европейски.

На правильную линию указали работникам музыкального фронта наша партия и правительство в своем постановлении от 23 апреля 1932 года и т. Икрамов в своем выступлении на партийной конференции Узбекистана.

Сохраняя национальный колорит узбекской музыки, необходимо использовать опыт и достижения мировой музыкальной культуры. Идя по этому единственно правильному пути и опираясь на дружную помощь литературы, узбекское музыкальное искусство достигнет, несомненно, больших успехов.

Опыт прошлой работы подтверждает этот взгляд. Достаточно указать здесь на значительную роль, которую сыграл драматург **Яшин** своими пьесами **«Уртакляр»** и **«Ичкарида»,** переделанной впоследствии в «Гюльсару», в развитии больших музыкальных форм. Яшин работает в тесном контакте с композиторами и ближе многих других стоит к театру.

Аналогичную роль играет и драматург и поэт **Сабир Абдулла** — автор стихов и песен, использованных композиторами, в частности Тохтасыном Джалиловым.

Наши поэты начинают понимать, что, лишь работая в тесном контакте с композиторами, они могут создать свои наиболее совершенные произведения. Таковы поэты **Уйгун, Эльбек, Усман Насыр, Хамид Алимджан** и др. В творческом содружестве созданы песни о Сталине Уйгуна с музыкой Ашрафи и Эльбека с музыкой Садыкова, песня о родине Усмана Насыра с музыкой Бурханова и др.

На первой олимпиаде искусств в 1930 году Узбекский музыкальный театр играл пьесу **«Уртакляр»,** исполняя ее под аккомпанемент примитивного национального оркестра, а вот через 7 лет мы приехали в Москву уже с полным симфоническим европейским оркестром. Положен крепкий фундамент для создания настоящей узбекской оперы.

Тем более нуждаемся мы теперь в помощи писателей. Нельзя сказать, чтобы литература пришла нам целиком на помощь. Многое в этом направлении оставляет желать лучшего. Но сдвиг несомненно наметился.

Драматург Яшин работает со мной над оперой на историческую тему.

Союз советских писателей Узбекистана созвал ряд совещаний драматургов и поэтов, на которых обсуждался вопрос о создании новых произведений.

Однако пьесы к XX годовщине Великой социалистической революции **мы пока не имеем.**

Наше управление по делам искусств в этом пока нам не помогло. О Всесоюзном комитете и говорить нечего.

Узбекские композиторы начинают работать и в области кино. К великой исторической годовщине готовится звуковой художественно-документальный фильм **«Страна весны»** по сценарию **Бессонова и Кордюма.** Музыку пишу я.

Перед узбекской музыкальной культурой открываются широкий путь и грандиозные возможности творческого развития. Еще не тронуты огромные пласты музыкального фольклора. Несколько тысяч песен и мелодий ждут записи и своего дальнейшего музыкального развития.

Благодарнейшая почва открывается и в этой области для писательской мысли, не говоря уже о композиторах. Последним особенно необходимо внимательно изучить подлинную народную музыку, а не пользовать ее механически. Только при этом условии можно будет говорить о создании национальной по форме и социалистической по содержанию узбекской музыки.

Все это — задачи очень серьезные. Если к этому прибавить, что на путях развития нашего музыкального искусства мы все еще сталкиваемся с недостатком кадров и с недостаточно еще преодоленной инерцией писательской организации в вопросе о совместном творчестве с композитором, то станут понятными те трудности, которые предстоит еще преодолеть. Не подлежит, однако, ни малейшему сомнению, что при том огромном внимании и тех заботах, которыми партия и правительство окружили вопросы культуры в нашей стране и национальное искусство в частности, мы достигнем поставленной перед собой цели.

Большую помощь в этом отношении окажет нам и та конкретная и строгая критика, которую мы ждем в связи с выступлениями в Москве.

Аскиабаз (острослов) **Юсупджан Кызык.**

Рис. Усто Мумин

В честь узбекских гостей

Встреча в Доме советского писателя.

Писатели столицы СССР встретились третьего дня с участниками декады — писателями и деятелями искусства Узбекистана.

Речь т. Г. Лахути, горячо приветствовавшего узбекских гостей, была обращена к лучшим представителям некогда угнетенного народа, поднявшегося за годы Великой социалистической революции к высотам мировой культуры.

Подобно тому, — говорит т. Лахути, — как зерно, сокрытое в зимнюю стужу землей и снегом, дает первые побеги под лучами весеннего солнца, так и мощь и интеллект узбекского народа, долгие годы таившиеся под гнетом и мраком царизма, поднялись и расцвели под животворящими лучами солнца Октября.

В. Ставский говорил в своем приветствии о глубоком и волнующем впечатлении, которое производят на зрителей столицы СССР спектакли узбекского театра.

Узбекский народ пришел к великим победам.

Искусство Узбекистана, раскрывающее картины из подлинной жизни народа, показывает, какими путями шел он к этим победам.

Прекрасный спектакль «Гюльсара», ярко и убедительно отображающий правду жизни, правильное понимание исторического пути и волю к борьбе узбекского народа с косностью и пережитками старого мира, свидетельствует о том, что узбекское искусство, под руководством ленинско-сталинской партии, придет к новым победам на пути социалистического реализма.

— Остается только пожелать, — заключает свою речь т. Ставский, — чтобы все писатели Узбекистана — прозаики, драматурги и поэты — достигли в литературе такой же высоты, на какую поднялось узбекское театральное искусство.

После речей тт. В. Гусева, И. Альтмана, А. Безыменского и др. с ответным приветствием от узбекских гостей выступил т. Маджиди.

Народные артисты Узбекистана Тамара Ханум, Кари Якубов и Абрар Хидаятов, народный сказитель Абдулла Шаир, артисты Лютфи-ханум Сарымсакова и Миракилов, танцовщицы Розия Каримова и Максума-ханум, поэт Алимджан и др. доставили собравшимся громадное удовольствие своими танцами, песнями и художественным чтением.

Кари Якубов спел арию из оперы «Фархад и Ширин» и др. Абрар Хидаятов прочел монолог Гамлета. Тамара Ханум превосходно исполнила узбекский танец под аккомпанемент замечательного мастера-бубниста Уста-Алима.

Неожиданно Тамара Ханум показала москвичам, что, кроме искусства танца, она искусно владеет мастерством исполнения народных песен. С большим успехом артистка спела русскую и казахскую народные песни. Исполнила она и «Кукарачу», переведенную на узбекский язык.

Узбекские артисты в Парке культуры

650 участников декады узбекского искусства приедут 1 июня в Центральный парк культуры и отдыха им Горького.

Днем на эстраде Массового поля будет дан концерт для детей.

Юные посетители парка увидят мастерство узбекских танцовальных ансамблей, познакомятся с узбекским кукольным театром и другими видами зрелищного искусства народов Узбекистана.

Вечером состоятся концерты на центральной и симфонических эстрадах, в театре на Острове танца и др. Выступят национальные оркестры и вокальные ансамбли, хоры, танцовальные коллективы и солисты — артисты балета и эстрады. Сказители ознакомят москвичей с богатейшим фольклором своей республики.

На высоте 40 метров покажут свое искусство канатоходцы.

На сцене Зеленого театра будет показана инсценировка Узбекской филармонии—**«Старое и новое Узбекистана»**.

«КЛЯТВА»

С большим успехом проходит в Москве декада узбекского искусства. На днях студия Узбекфильм демонстрировала свой первый звуковой фильм.

Фильм «Клятва» показывает Советский Узбекистан в период проведения земельно-водной реформы. Декретом советского правительства (1926 г.) были переданы байские земли и скот безземельным и малоземельным дехканам.

Классовая борьба обострилась; баи всеми доступными им средствами старались противодействовать всем мероприятиям партии и правительства.

Правдивые и волнующие кадры фильма показывают прошедшие дни борьбы и побед.

Картина вызвала большой интерес у зрителей. Игра коллектива узбекских актеров: Шапсаева, Исматова, Рахимова, Ишмухамедова и др., хорошее музыкальное оформление, народные мелодии дают право включить картину в число достижений узбекского искусства, так блестяще представленного в Москве в эти радостные дни.

СБОРНИК УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Узбекистанский научно-исследовательский институт языка и литературы им. А. С. Пушкина ведет большую работу по изучению фольклора. На узбекском языке выпущены сказки, песни, частушки и отрывки из поэм народных певцов—«бахши».

В песнях дореволюционного периода говорится о жизни угнетенного народа, о его ненависти к эксплоататорам, о борьбе за освобождение. В песнях, созданных после революции, —радость колхозного труда и новой свободной жизни.

Особенно богато народное творчество Узбекистана сказками. В них поэты и писатели страны находят неиссякаемый источник для новых сюжетов. Недавно драматург Уманджи Исмаилов написал пьесу по сюжету народной сказки «Уч Оман» — «Три богатыря».

Изучая народное творчество, институт ежегодно организует экспедиции по сбору фольклора. Сейчас им готовится к печати новый сборник народных сказок Узбекистана на русском языке.

Народное искусство

ТОГАРА УИН

В доме Гюльсары и Кадыра праздник. У них родился сын. Идет суетливая подготовка к приему гостей. Смех и шутки, песни и пляски сменяют друг друга. И каждая минута приносит неожиданное новое зрелище.

Нарастает шум приближающейся процессии. Резные двери растворяются, и гигантская красная нога просовывается во двор Гюльсары. Затем показывается торс и голова и, наконец, вторая нога. На сцене великан в странном красном одеянии. Он возглавляет торжественное шествие и приводит в неистовый восторг снующих по двору ребят.

Человек на ходулях — Исмаил Пулатов. Он — представитель редчайшего в Узбекистане вида народного искусства — **тогара уин.**

Название это не имеет даже перевода на русский язык.

Исмаила Пулатова по роду своего искусства можно было бы причислить к музыкальным эксцентрикам.

Оригинальный инструментарий у Пулатова: два больших тяжелых глиняных блюда и «кайрак» — прототип кастаньет из удлиненного плоского камня...

В спектакле «Гюльсара» он под щелкание кайрака танцует на ходулях.

В других случаях он танцует с блюдами. Блюдо вертится у него на голове, с'езжает вдоль спины и «возвращается» обратно на голову...

Собственно это и весь номер Пулатова. Но надо послушать, как разнообразен ритм кастаньет и насколько он сложен. Пулатов добился независимости движения рук с кастаньетами от движения головы и ног. В этом секрет его мастерства.

Исмаилу Пулатову сейчас 46 лет. Родился он и поныне живет в кишлаке Яр-Курган, Джаля Кудукского района Узбекистана. С двенадцатилетнего возраста он работал в течение 7 лет у бая, затем, не имея никакой специальности, — чернорабочим. В бытность свою сторожем у бая он свой томительный досуг стал заполнять тогара уин.

С 1927 года тогара уин становится его основной профессией. За десять лет мастерство Исмаила Пулатова приобрело широкую известность у дехкан.

В декаде узбекского искусства Исмаил Пулатов выступает как представитель своеобразного народного искусства, которое всяческими путями развивалось, вопреки запрещению шариатом музыки и светских зрелищ.

ЯН. АР

ЧАДЫР ХИАЛ

Ни один из узбекских народных праздников не обходится без театра кукол. Там, где большое скопление народа, — около чайханэ или ашханэ, кукольный театр—«чадыр-хиал»—показывает свою нехитрую, но доходчивую пьесу о похождениях «Кёса», т. е. «Плешивого».

Кёса хочет купить лошадь, но лошадь оказывается хромой, он хочет уплатить за покупку, но денег у него нет. Кёса залезает в долг, но расплачиваться ему нечем. Судится, но не умеет складно говорить...

В конце-концов он все же вывертывается из всех положений, оставляя в дураках и ростовщика, и барышника, и судей.

Театру кукол до революции было запрещено показывать эмиров, мулл и администраторов царских колоний. Однако кукловоды ухитрялись обходить это запрещение. Иносказательно они зло высмеивали «власть имущих».

Старый кукловод **Мирза Махмуд** (ему сейчас 70 лет), унаследовавший свое искусство от отца, рассказывает о периоде упадка кукольного театра в Узбекистане перед революцией.

Чадыр-хиал всегда находился на откупу у бая — хозяина чайханэ. Добровольные сборы со зрителей — входной платы в театр не существовало—забирал бай, так что кукловоду оставались гроши, едва хватавшие на чайник кок-чая, да на лепешку.

К началу нашего века в Узбекистане осталось всего несколько кукловодов.

Чадыр-хиал возродился после Октября.

Сейчас во всех районах Узбекистана при узбекских театрах юного зрителя функционируют также театры кукол. Они показывают пьесы советского репертуара.

В Москву на декаду искусств народов Узбекистана приехал чадыр-хиал Узбекистанского госфила.

Сейчас он выступает в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Театр показывает новую пьесу «Салтанат», сюжет которой взят из книги Абдулла Кадыри «Михробдан чион» («Скорпион из-под алтаря»). Пьеса рисует тяжелые времена в период царствования последнего кокандского деспота Худояр-хана.

Салтанат — имя героини, невесты Мирза Гаиба, которую захватил хан для своего гарема. Во время одного из восстаний против хана Мирза Гаиб освобождает свою невесту.

Пьеса исполняется в сопровождении национального оркестра: кушнай, сурна (духовые инструменты), нагара и дойра (ударные инструменты).

Декорации, куклы и костюмы сделаны по эскизам художников Усто Мумин и Усто Рауфова.

Текст пьесы написан узбекским драматургом Сабир Абдулла.

Спектакль ведут кукловоды Гапуров, Якубов, Мухторова и другие под художественным руководством т. Таджи-заде.

Т. АРУНЯН

О. ВОЙТИНСКАЯ

Враждебные влияния в поэзии

Победы социализма в нашей стране создали небывалые в истории условия для художественного развития народных масс. Победы советского искусства в области музыки, живописи и литературы определены уничтожением всех форм эксплоатации человека человеком.

Вопреки вредительской работе реставраторов всех мастей, крепнет и мужает советское искусство. Мы приходим к двадцатилетию Великой пролетарской революции с рядом книг, нужных и дорогих миллионам людей. Великая социалистическая революция создала литературу нового жанра, — литературу о судьбах народов в эпоху социализма.

Тема борьбы и победы социализма стала глубоко личной и интимной темой подлинно советского писателя.

Советская литература утверждает нового положительного героя — цельного человека, чья жизнь неразрывно связана с жизнью его народа, его социалистической родины.

Успехи и достижения советской литературы создали настроения переоценки своих сил в писательской среде. На пленуме ЦК партии товарищ Сталин предостерегал от опасностей, связанных с успехами, от настроений бахвальства, зазнайства и хвастовства.

«Опасности эти, — говорил товарищ Сталин, — состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением, — порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах».

Совершенно очевидно, что атмосфера зазнайства и самодовольства в литературных организациях способствовала вредительской деятельности реставраторов всех мастей в литературе.

В докладе на I с'езде писателей Бухарин стремился протащить свою антимарксистскую систему взглядов на искусство. Он утверждал, что поэзия — это организация непосредственных ощущений человека, и дал явно идеалистическое определение искусства: «искусство есть процесс об'ективирования первоначальных данных душевной жизни». Эти «первоначальные данные душевной жизни» путем «художественного об'ективирования» приобретают об'ективное значение.

Доклад Бухарина по своим теоретическим основам являлся реставрацией богдановских «установок» об отношении мышления к бытию. Бухарин использовал трибуну с'езда советских писателей для проповеди осужденных партией идеалистических взглядов.

Для чего понадобилось Бухарину снова выступить поборником из'еденной молью богдановской теории? Это было определенным политическим маневром.

С'езд происходил за несколько месяцев до злодейского убийства С. М. Кирова, которое было организовано при участии правых. В этих условиях проповедь гражданского мира приобретала особое политическое значение.

Литература — мощное орудие революционной пропаганды. Выступление Бухарина стремилось усыпить бдительность, ориентировать писателей наиболее выгодным для врагов образом.

Бухарин пытался обосновать свою точку зрения апелляцией к истории. Известна любовь Бухарина к кокетничанью псевдо-ученостью. В его докладе имя блаженного Августина чередуется со всевозможными именами, но в докладе нет ни слова об истории развития мировой литературы, и в частности истории русской литературы. Здесь особенно ярко выявилось отсутствие любви к прошлому нашего народа, к его культуре. Для Бухарина русский народ был нацией Обломовых. Мудрено ли, что имена величайших русских поэтов — Пушкина и Лермонтова — отсутствовали в докладе?

История бьет по реставраторским взглядам. Бухарин выступил против замечательных традиций критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, — писал Белинский, — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самого главного — мысли, сделать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев»... «Свобода творчества легко согласуется со служением современности. Для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию. Для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями».

Бухарин выступил как реставратор реакционной теории о мнимой независимости художника от общества. Именно поэтому он выступил за Пастернака против Маяковского. Пастернак еще принадлежит к той группе поэтов, которая считает, что творчество является частной жизнью художника.

Мы построили социалистическое общество, а Пастернак еще раздумывает — признать ему или не признать социалистическое строительство источником поэтического вдохновения.

Мудрено ли, что поэзия Пастернака равнодушна, а иногда и прямо враждебна современности? Энгельс писал: «История отомстила Гете за то, что он каждый раз отрекался от нее, когда оказывался лицом к лицу с ней». Пастернак отрекается от истории, когда оказывается лицом к лицу с ней. Он уверен, что можно творить «в кашне, ладонью заслонясь» от больших проблем современности. Он как бы кокетничает своим непониманием эпохи. На дискуссии о формализме в 1936 г. Пастернак заявил, что до 1934 года он не понимал коллективизации.

В избранных стихотворениях Пастернака, изданных в 1936 г., имеется ряд прямо реакционных положений. В стихотворении «Определение души» Пастернак в ужасе восклицает:

«Нашу родину буря сожгла,
Узнаешь ли гнездо свое,
птенчик?»

В 1936 г. перепечатывается явно враждебное стихотворение, написанное в 1921 году:

«Нас мало, нас может быть трое,
Донецких горючих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.
Мы были людьми. Мы эпоха.
Нас сбило...»

Нам думается, что враждебный смысл этого стихотворения в комментариях не нуждается. Поэт лишь изредка раскрывает окно своего кабинета в цветущую страну социализма. Его искусство — антидемократично. Направление поэзии Пастернака вредно в советской литературе, а Бухарин призывал советских поэтов итти по пути Пастернака! Ряд журналов предоставил свои страницы для пропаганды бухаринских установок в поэзии. В 1935 г. в журнале «Знамя» была напечатана статья бывшего литфронтовца Тарасенкова «Поэзия первого разумного века». В своей статье Тарасенков утверждает, что «нашей поэзии нехватает ума». Оклеветав мимоходом всю советскую поэзию, в том числе и Маяковского, Тарасенков делит поэзию на три рода: «У нас есть замечательная лирическая традиция, идущая от Пушкина, Лермонтова, Тютчева, через Блока к Пастернаку». Так Тарасенков восторженно ставит знак равенства между Пушкиным и Пастернаком.

Сделав столь потрясающее открытие, Тарасенков спешит обрадовать читателя: «У нас есть большая традиция высокой гражданской поэзии — Некрасов, Маяковский. Род поэзии, оперативно откликающейся на боевые темы современности». Оказывается, значение поэзии Маяковского только в ее оперативности! И это говорится о самом талантливом поэте советской эпохи, создавшем новое направление в искусстве.

Впрочем, Тарасенков готов признать значение этой поэзии. «Да здравствует гражданская политическая поэзия!» — умиленно восклицает он, но тут же добавляет: «У нас нет традиции большой философской поэзии, поэзии ума, не переходящей в скучную рассудочность». Так Тарасенков решил снискать себе геростратову славу, зачеркнув большое философское значение русской поэзии, в частности поэзии Маяковского. Но Тарасенков тут же спешит успокоить читателя. Оказывается, что уже есть и «поэзия ума». Кто же они — пионеры нового направления искусства?

«Над проблемами философской поэзии мы только начинаем работать (Пастернак, Луговской и другие)», — пишет Тарасенков.

Все грозные обвинения по адресу классической поэзии понадобились Тарасенкову для того, чтобы превознести Пастернака и пропагандировать политически вредные установки Бухарина.

В десятом номере журнала «Знамя» за 1935 год напечатана статья того же Тарасенкова «Пастернак в кривом зеркале». В этой статье прямо утверждается, что поэзия Пастернака «относится к лучшему из созданного искусством». В том же духе была написана коллективная статья Тарасенкова и врага народа Мустанговой, напечатанная в «Литературной газете»*).

Политически ошибочные статьи Тарасенкова печатались в одном из лучших литературно-художественных журналов. Можно себе представить, что творилось в других журналах! В ленинградском журнале «Звезда» подвизались враги народа Горелов и Мустангова. Журнал целиком солидаризировался с бухаринскими установками в поэзии.

В первом номере «Звезды» за 1936 год прокламировано, что «своеобразие пути Пастернака к социализму — в тех моральных категориях, которыми он осмысляет свое достижение»...

Поэтому Друзин предлагал «разоблачить некоторые предрассудки»; таким предрассудком в частности Друзин считает анализ мировоззрения поэта.

Так пропаганда бухаринских установок привела Друзина к выступлению против основ марксистской эстетики. Речь таким образом шла не только о литературных вкусах, но и литературно-политических убеждениях.

Бухарин и его оруженосцы выступили против основ социалистического искусства.

Они пытались искусственно задержать некоторых поэтов на ложном пути, увести их из гущи жизни. Тем самым они обрекали этих поэтов на эпигонство и перепевы.

Политически глубоко вредная сущность статей, пропагандирующих бухаринские установки, должна быть сурово осуждена.

*) См. «Л. Г.» № 32 от 5 июня 1936 г. Статья была напечатана в порядке обсуждения и с примечанием редакции о неправильных мыслях и оценках ее.

ДЖАМБУЛ

Народный певец-импровизатор Казахстана, орденоносец

Испанским братьям

Казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах
утопая.

Урюк зацветает в узбекских садах.
Тюльпаны цветут на таджикских
горах.

Любимая родина в радостном пенье
Об'ята весенним могучим
цветеньем.

Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой
весны.

Но слышу я, хмуря суровые
брови,
Удушливый запах железа и крови,
И уши акына [1] Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.
Хотел бы и песню и сердце
отдать я
За вас, боевые испанские братья!
Бушует в вас сила огня горячей—
Громите смелее своих палачей!
Над вами священное плещется
знамя —
Я песней клянусь вам — победа
за вами!
Мы также боролись, и взрывы
и громы,
И кровь и лишенья нам были
знакомы.
Мы бились за счастье, как смелые
львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.
С винтовкой и песней на битву
идите,
Дружнее сплотитесь, и вы
победите!
Всем сердцем хочу, чтоб ясна и
светла
В Испании вольной весна
расцвела.
Чтоб в синее небо взвилось над
полями,
Как наше, победное, светлое
знамя.
Я братьям испанским желаю
побед
И шлю из степей Казахстана
привет!

Перевод с казахского К. АЛТАЙСКОГО

[1] Акын — певец, импровизатор.

1837

Илья Чавчавадзе

1937

БАЗАЛЕТСКОЕ ОЗЕРО *

Легенда

Говорят, что на дне базалетском
Золотая лежит колыбель,
И дубравы немеркнущим блеском
Под волнами сияют досель.

Нет истленья в подводном эдеме,
Что ни с чем на земле несравним.
Не страшит его грозное время,
И бураны не властны над ним.

Вечно яркий, душистый и юный,
Он не знает ни зноя, ни вьюг,
И цветы, несмотря на буруны,
Образуют сверкающий круг.

Но царит под волнами унынье,
Опечалена глубь навсегда,
И никто из картвелов доныне
Не решился проникнуть туда.

Лишь одним сладкогласным сиренам
Охранять колыбель суждено
И о мире ничтожном и бренном
Напевать, опускаясь на дно.

Говорят, что Тамар за веками
Колыбель положила сюда,
И народ котловину слезами
Переполнил в былые года.

Неизвестно, кто спит в колыбели,
Задремав с незапамятных лет,
И о чем неустанно скорбели
Наши предки вблизи Базалет.

Но, быть может, лежит в ней ребенок,
Чей пленительный лик помертвел,
И над ним о мечтах погребенных
Неутешный рыдает картвел.

Да возвысится доблестный воин
Или славный и смелый герой,
Если будет судьбой удостоен
Колыбели коснуться рукой!

Да прославится скромная дева,
Материнства удел обретя
И под звуки родного напева
Убаюкав святое дитя!

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ.
Перевел с грузинского
БОРИС БРИК.

14 июля 1883 г.

* Стихотворение иносказательно; под младенцем в золотой колыбели поэт подразумевал свободу грузинского народа.

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

МЫСЛИ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

«Пора искусству оставить в покое «плывущие облака»... Пора искусству бросить безвкусно гримасничать и растирать глаза, чтобы выдавить слезу, пора окунуться на дно житейского потока и там находить сокровенные мысли для своих жизненных картин. Там, на дне жизни, оно найдет множество жемчужин и еще больше грязи. Искусство не должно бояться изображать и то, и другое»...

★

«Поэзия, — это есть отражение правды жизни, а не цепь бессмысленных рифм».

★

«Поэта родит народ, и жизнь народа вскармливает его; поэтому и говорят, что поэзия отражает жизнь народа».

★

«Язык человека растет и развивается так же, как отдельная личность; в этом развитии он меняется, как меняемся мы, люди, в своем росте. Часто бывает, что законы, необходимые в одно время, становятся непригодными в другое время. Поэтому и новый язык не похож на старый язык, как новый человек не похож на старого».

★

«...я потому так прямо и говорю, чтобы те, кто легкомысленно пачкает бумагу, перестали это делать, ибо они своей пачкотней унижают наш язык. Я потому говорю так жестоко, нелицеприятно, чтобы бездарные и при том невежды не вылезали наружу, в литературу; это мы просим от имени народа, в защиту славы народа же!»...

Хлебнувшие воды Терека

В 1829 году Пушкин, по дороге в Арзрум, переплыл через Терек. По возвращении в Россию, не имея возможности опубликовать свои «путевые заметки», Пушкин напечатал стихи о Кавказе: «На холмах Грузии», «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «Обвал»; «Меж горных стен несется Терек». Бурная горная река произвела сильное впечатление на гениального поэта. Он символизировал в ее образе стесненную свободу горских племен, задавленных обвалом «ледяного свода» русского царизма. «Оттоль сорвался раз обвал, и с тяжким грохотом упал, и всю теснину между скал загородил и Терека могучий вал остановил»...

Тридцать с лишком лет спустя, по тому же Дарьяльскому ущелью: «где нищий наездник таится в ущелье, где Терек играет в свирепом веселье», проезжал слушатель Санкт-Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 года, Илья Чавчавадзе, возвращаясь из России на родину.

Молодой Илья был человеком, увлеченным национально-освободительными идеями своего времени и мечтающим уехать в Италию в добровольческий отряд Гарибальди. Вооруженный идеями разночинно-революционной интеллигенции России, он преклонялся перед блистательными именами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Будущий великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе начал страницы своих «Записок проезжего» («От Владикавказа до Тбилиси») знаменитой цитатой Грибоедова, с гениальной простотой и проникновенностью определяющей чувство любви к родине: «И дым отечества нам сладок и приятен». Но в этой приятной сладости поэт Чавчавадзе ощущал и «горечь слез, исторгаемых от едкого дыма», каким встретило его любимое отечество.

Уже с сороковых годов XIX столетия молодых грузин, вышедших за пределы Дарьяльского ущелья, получивших образование в России и воспринявших новый круг идей, называли людьми «хлебнувшими воды Терека» — «тергдалеулни». Этой кличкой награждали молодежь, поднявшую историческое знамя борьбы с «отцами».

Первые шаги Ильи Чавчавадзе в литературе ознаменованы скрытой полемикой с Пушкиным, выступлением против его стихотворения «Меж горных рек несется Терек». Пушкин говорит, что река «клокочет вкруг огромных скал», «как зверь живой ревет и воет — и вдруг утих и смирен стал, все ниже, ниже опускаясь» к долине. «Так после бури истощась, потоп струится дождевой» — заканчивает поэт это короткое стихотворение.

В «Записках проезжего» молодой Чавчавадзе защищает Терек и говорит: «Ах, этот погибельный Терек! Стоило ему повернуться спиной к нам и лицом к России, стоило только ему вступить в луга и долины, как его богатырский голос будто оборвался, исчез... А как не вспомнить с сожалением, Терек, твои смятение и тревогу, твою нескончаемую борьбу со скалами и горами, борьбу, как бы говорящую о том, что твоим гигантским страстям тесно в узком ложе? Много примечательного в тебе, в твоем могучем, непреклонном течении, непокорный наш Терек!».

Для Чавчавадзе и его поколения Терек был границей между Западом и Востоком. Терек был символом.

«Люди, хлебнувшие воды Терека, не нравятся нашим грузинам, не по вкусу им». — говорит Илья в тех же «Записках проезжего», ставших впоследствии программой для целого поколения молодежи Грузии. «Да, мы были в России! — обращается автор знаменитых «Записок» от имени молодой группы «тергдалеульцев» к «отцам», бывшим героям Карса и Дагестана, обвиняющим «сыновей» в искажении грузинского языка, в отсутствии благородного литературного стиля, в ложном патриотизме и безбожии. «Нам дороги интересы миллионных масс, а не праздного меньшинства... Наш бог есть бог равенства и братства, а не угодничества и низкопоклонства, бог трудящихся и угнетенных, а не фарисеев и двурушников. Не мы, а вы убили богатый грузинский язык... Мы сняли с него накинутый вами саван и снова вдохнули в него живую душу».

В сознании молодого Чавчавадзе в России впервые возникла завязь новой жизни, о которой он говорит в своих «Записках»: «Это та самая завязь, из которой быть может разовьется прекрасная, рдеющая виноградная кисть, а может быть и пустоцвет».

Не мало дворянского пустоцвета раскрывалось вокруг Чавчавадзе. Но были и такие, о которых Герцен писал — «фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя».

В Грузии эти люди образовали группу, известную под названием «пирвели даси», молодое поколение новой грузинской интеллигенции, поднявшей знамя борьбы со старым феодально-аристократическим обществом, с господствующими вкусами и требованиями отживающего класса дворян, с косными, крепостническими нравами и обычаями.

Голос Ильи Чавчавадзе для этой группы деятелей второй половины XIX и начала XX века был призывом пробудиться. Слова его стихов раздавались по всей Грузии призывной революционной песней освобождения народа от царских оков:

«Месмис, месмис санатрели —
Халхт боркилис хма мтвревиса»...

Слова этого короткого, но огненно-призывного стихотворения, посвященного освобождению Италии, дошли до нас, как призыв к свободе Грузии. Его заучивали наизусть во всех начальных школах наших деревень и городов. Мое поколение еще застало время, когда грузинский язык преподавался в школах раз в неделю по одному часу. Но мудрый, простой язык Ильи легко просачивался в народ. Его стихи, поэмы и рассказы читались всюду.

Сегодня, в год двадцатой годовщины Октября, мы празднуем столетие со дня рождения талантливейшего писателя, борца за свободу Грузии.

Прошло ровно тридцать лет со дня вероломного убийства Чавчавадзе, но мы — современники Октября, строители счастья всего человечества — сейчас можем воскликнуть словами этого великого трибуна Грузии XIX века:

«Не выдержит дряхлый мир разрушительной и обновляющей бури. Не выдержит грабитель борьбы, начатой за истину и справедливость. И возрожденный мир снова расцветет на обновленных началах!..»

ШАЛВА СОСЛАНИ

Из жизни Ильи Чавчавадзе

Имя Ильи Чавчавадзе пользуется широкой славой среди грузинского народа. Нет в Грузии такого селения, где бы не знали Илью Чавчавадзе, где не читали бы его произведения, не произносили бы с любовью и признательностью его имени. И это понятно. Илья Чавчавадзе не только замечательный поэт и писатель, автор поэм и рассказов, обогативших грузинскую литературу, но и крупнейший общественный деятель, неразрывными узами связавший свою жизнь с судьбой родины.

Друзья и современники поэта оставили потомкам ряд интереснейших свидетельств о его детстве, юности, студенческих годах, о его борьбе против крепостничества и царизма.

Ближайший товарищ поэта по школе и университету Кохта Абхази в своих воспоминаниях так характеризует юного Илью Чавчавадзе.

«Должен сказать, что Илья с малых лет, правда, был каким-то замкнутым и очень тихим. Однако вместе с этим в нем тогда же сказывалось большое остроумие. Он умел очень тонко подшучивать и, если высмеивал кого-либо, то действительно уничтожал его».

Писать стихи Илья Чавчавадзе начал рано. В воспоминаниях К. Абхази имеется любопытный рассказ о первом стихотворении поэта.

«Илье было приблизительно 11 лет. Мы (оба гимназисты) жили в нашем селе Карданахи. Был воскресный день, и за 15—20 верст от села у отца были полевые работы. Мы также направились туда. Весь день мы наблюдали за горячей работой людей в поле. К вечеру направились домой и когда нам до Карданахи оставалось еще верст семь, пошел проливной дождь, хлынул ливень. Другого выхода не было, — мы завернули в ближайшее село Чалаубани на ночлег. Но всю ночь мы не могли глаз сомкнуть. Ночевали мы в хате одного крестьянина, и ночью на нас напало столько блох, что чуть свет мы с постелями выбежали на двор и, постелив постель под большим ореховым деревом, немного вздремнули. Вот здесь и написал Илья свое первое стихотворение «Блохи» (1847—1848 гг.). Стихотворение это не сохранилось, и я не знаю, что Илья с ним сделал. Но помню, что в этом стихотворении с большим юмором и в комическом тоне описан наш бой с блохами, и оно много смешило нас».

Окончивши тбилисскую гимназию, И. Чавчавадзе поступил в 1857 году на юридический факультет Петербургского университета.

В университете Чавчавадзе слушал лекции Кавелина, Костомарова, Пыпина, изучал Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Живо интересовали его политические события тех лет, особенно национально-освободительные движения. Было время, когда он хотел уехать в Италию и примкнуть к Гарибальди.

«Он увлекался чтением книг, читал, между прочим, множество старинных грузинских книг, — вспоминает К. Абхази. — Наступала пора экзаменов и Илья... работал часто по 18—20 часов в сутки. Несколько раз я заставал его вздремнувшим над книгой... И я, и Илья вынуждены были уйти из университета с четвертого курса и вернуться на родину. Произошло это из-за матрикулов, введенных по милости и стараниями петербургского генерал-губернатора Игнатьева. Мы, почти все студенчество, заявили протест по этому поводу. Правда, ни я, ни Илья не присутствовали на собрании студентов (я не успел попасть на собрание и, когда мы пришли, сходка была уже оцеплена войсками и полицией), но нам все же об'явили, что те, кто не подчинится требованиям о матрикулах, в 24 часа должны оставить Петербург и выехать к себе на родину. И мы уехали».

Вернувшись в 1861 году на родину, Чавчавадзе быстро завоевал горячие симпатии грузинской молодежи. Приверженец демократическо - освободительных идей Белинского и Чернышевского, он резко и прямо выступил в защиту крестьянства, осуждал проводимую по отношению к царскому правительству политику грузинских крепостников.

Товарищ поэта Хр. Мамацашвили рассказывает об одном из выступлений Чавчавадзе на собрании грузинских дворян, посвященном отмене крепостного права.

«После прочтения протоколов начались прения. Поднялся молодой поэт и публицист Илья Чавчавадзе и громогласно заявил, что крестьянам нужно отдать землю. Большинство собрания возмутила эта дерзкая мысль. Один из дворян выхватил кинжал, с бранью бросился на Илью Чавчавадзе, грозя: «Пустите, пустите, я его сейчас же убью!» Обезумевшего дворянина удержали и с большим трудом вывели из собрания.

Я служил в Гомбори. Об этом случае сообщил Илья Цинамдзгвришвили, который писал мне: «Скорее приезжай в Тбилиси, чтобы мы, молодежь, окружили Илью Чавчавадзе и защищали дело уничтожения крепостничества».

В течение всей своей жизни поэт неустанно призывает народ сплотиться и сбросить с своих плеч постыдное иго российского самодержавия. И в этом его огромная заслуга перед родиной.

Антиправительственная и антидворянская, по существу, деятельность Чавчавадзе не осталась без внимания агентов охранки.

1 мая 1894 года тбилисское жандармское управление секретно сообщало департаменту полиции:

«Уверенно можно утверждать, что главным руководителем направления, ставящего своей целью углубление национального движения, является князь Илья Чавчавадзе, председатель тифлисского дворянского банка. Князь Илья Чавчавадзе обладает замечательным умом и положением, пользуется большим авторитетом среди грузин вообще и среди свободомыслящих в особенности. Ходят слухи, что у него время от времени устраиваются тайные собрания, на которых обсуждаются различные общественные и социальные вопросы».

У царских жандармов были все основания беспокоиться.

Страстный голос Чавчавадзе будил от сна, призывал к борьбе не только дворянскую прогрессивную молодежь, но и изнывающих под двойным гнетом крестьян Грузии.

Стихи и поэмы И. Чавчавадзе

Лучшие образцы лирики Чавчавадзе — стихи на гражданские темы, поэмы «Разбойник Како», «Отшельник», «Дмитрий-Самопожертвователь» и «Призрак» — выпускает Гослитиздат.

Большая часть стихотворений и поэм впервые появляется на русском языке в переводе Б. Брика. Вступительная статья написана Б. Жгенти.

★

Издательское товарищество иностранных рабочих выпускает на французском языке однотомник избранных произведений И. Чавчавадзе.

Юбилейные дни в Грузии

Вчера, 29 мая, в орденоносной социалистической Грузии начались торжества, посвященные столетию со дня рождения великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе. Юбилей отмечается на родине поэта проведением всенародного праздника, организацией вечеров, бесед, научных сессий, выставок и т. п. Юбилейные дни продолжатся в республике до 15 июня.

Юбилейный комитет утвердил проект обелиска, который будет установлен на месте убийства писателя в Циамури. Проект обелиска выполнен архитектором М. Шавишвили.

Обелиск будет облицован белым мрамором и украшен барельефом писателя, выполненным скульптором Николадзе. Высота обелиска 15 метров.

И. Ефимов — Лань». (Выставка московских скульпторов в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве).

Песни Страны Советов

Вышедший недавно вторым изданием гослитиздатовский сборник песен * нужно всячески приветствовать. В него вошли массовые, широко известные и ставшие народными песни. Их распевают от мала до велика по всей необ'ятной советской земле.

Песня как нельзя лучше отражает дух народа, его помыслы, характер, политические устремления и чувства. В этом отношении песни, составляющие рассматриваемый нами сборник, полно раскрывают героический дух советского народа, отстоявшего диктатуру пролетариата в жестокой и кровавой войне с белогвардейскими полчищами и иностранными интервентами.

В них воспеваются славные герои гражданской войны, боевые походы, удалые битвы. Такова «Конная Буденного» Н. Асеева, приобревшая всенародное признание, «Конармейская» Суркова, «Партизан Железняк» Мих. Голодного, «Комсомольская песня» И. Уткина, «Песня о девушке-партизанке» Ф. Канатова, «Гренада» Мих. Светлова, «Песня былых походов» Жарова, «Боевая красноармейская» О. Колычева и др.

Но песни о гражданской войне не просто воспоминания о прошлых боевых днях, о славных командирах и отважных бойцах—это в то же время выражение монолитности советского народа, его твердости и полной боевой готовности встретить врага, если он посмеет снова напасть на нас.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым,
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

(А. Сурков. «Конармейская»).

Песни, отражающие эпоху сталинских пятилеток, дышат оптимизмом, бодростью, в них выражены счастье и радость жить в эту беспримерную в истории человечества пору.

Счастливая и зажиточная жизнь народов социалистической страны рождает песни, проникнутые безграничной любовью к родине, к великому Сталину.

Будь прославлена певцами,
Мать-отчизна, в этот час!..
Слово Сталина меж нами,
Воля Сталина меж нас!

Народ поет песни о своих любимых вождях. Таковы: песня А. Жарова «О наркоме Ворошилове», песня Сергея Третьякова о Серго Орджоникидзе, Павло Тычины — о Кирове.

Большевистская партия во главе с великим Сталиным ведет народ от победы к победе. Каждый день приносит нам новые и новые достижения. Каждый день окрыляет человека нашей страны, зовет его к новым свершениям.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

(«Песня о родине» поэта орденоносца Лебедева-Кумача).

Особое место в сборнике занимают марши. Они широко известны и играют большую роль в нашей оборонной работе. Сюда относятся «Краснофлотский марш» Лебедева-Кумача, «Марш воздушного комсомола» Ильи Френкеля, «Комсомольская краснофлотская» А. Безыменского. Хорошо также поступили составители сборника, включив в него песни испанской республиканской армии (Луис де-Тапия «В атаку, пятый полк» и его же «Стальные колонны»).

В сборнике слабо представлена лирическая песня, особенно любовная лирика. Последняя в сборнике представлена только песнями: Суркова — «Девичья ласковая», Як. Шведова — «Море», Иосифа Уткина — «Письмо», Евг. Долматовского — «Улыбка». Этот недостаток сборника отражает слабое внимание поэтов и композиторов к любовно-лирической песне. А между тем потребность в такой подлинно советской песне чрезвычайно велика.

Повышенный интерес к песне, быстрое ее распространение (здесь огромную роль играют радио, звуковое кино, массовая музыкальная работа в парках культуры и отдыха) диктуют и повышенные требования к авторам песен. Работа, начатая так хорошо советскими поэтами и композиторами, должна расширяться, охватывая все новые и новые области.

Надо отметить явно неудачное и абсолютно безвкусное оформление сборника. Чего стоят заставки, предпосланные каждой песне! Например, к «Урожайной» песне Жарова предпослано изображение какого-то цветочка с гитарой, перевязанной ленточкой. Неужели Гослитиздат, научившийся оформлять книги, не может добиться культурного оформления массового издания?

Н. ГАВРИЛОВ

* «Песни Страны Советов». Гослитиздат. Москва, 1937 г. Стр. 144. Цена 1 р. 50 коп. Ответствен. редактор П. Уткин.

Ф. ЛЕВИН

Необходимое предупреждение

Александр Безыменский занимает в истории развития советской поэзии значительное место. К сожалению, с самого начала приходится констатировать, что наиболее важную роль сыграл он лет пятнадцать назад. Были и в дальнейшем весьма значительные выступления, но постепенно Безыменский все более и более отставал, а в последние годы писал все хуже и хуже. Это не простая случайность, это не только результат недостаточной работы над собой. Причины падения роли Безыменского надо искать прежде всего в его литературно-политическом развитии.

Когда-то Безыменский написал известное стихотворение «Поэтам кузницы». В этих стихах был провозглашен поворот от абстрактного космизма к конкретным делам революции, к живой действительности. Были выдвинуты новые темы. В этом стихотворении Безыменский писал:

Хорошо планеты
Перекидывать, как комья!
Электропоэмами Космос воспеть.
А вот сумейте
В каком-нибудь предгублескоме
Зарю грядущего разглядеть!

В развитие своего стихотворного манифеста в эти же годы Безыменским было написано несколько стихотворений, ставших широко известными. Таково стихотворение «О шапке», в котором поэт писал:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Поэт писал о своей котиковой шапке, которую он «по ордеру получил», прибыв с фронта гражданской войны. Шапка напоминала ему о том будущем дне, когда «мы пред'явим ордер не на шапку, — на мир».

Широко известно стихотворение «Партбилет». Безыменский писал в нем с неподдельной теплотой о старенькой, старенькой маме, «кому страшней, чем сто переворотов, что непослушный сын не выпил молока». Всем запомнились заключительные строки стихотворения:

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что ношу партбилет не в кармане,—
В себе.

В 1924 году, через три дня после смерти Владимира Ильича, Безыменский написал «Партийный билет № 224332», — стихотворение, посвященное смерти Ленина, в котором он писал:

Пройдут лишь месяцы —
сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский потерянный
билет.

Отнюдь нельзя сказать, что даже эти, общественно наиболее весомые стихи Безыменского, были совершенны. Когда теперь перечитываешь эти произведения, видишь, что недостатков в них много, что написаны они местами неряшливо, встречаются неудачные и надуманные сравнения, эпитеты и метафоры.

Например, в стихотворении «О шапке» читаем:

И прочтя бюллетень о банкноте,
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думой грозовой.

«Грозовая дума» — это штамп. «Встревоженный котик» — это попросту плохо.

А это ведь в лучших стихах. Если же обратиться к другим, то можно подобрать очень много примеров, свидетельствующих о крайне небрежном обращении Безыменского с поэтическим словом.

В стихотворении «Весенняя прелюдия» Безыменский писал, например, так:

Каплей весеннего сока,
Сока мускулов и мозга
Я по асфальтовым стволам городов
Теку
К почкам весенним — к заводам.

Образ явно надуманный, тяжеловесный, вычурный, плохо ощутимый и воспринимаемый.

Однако эти недостатки не привлекали к себе особого внимания, ибо на Безыменского смотрели тогда, как на поэта молодого, который будет расти, совершенствоваться в художественном отношении, углублять свою поэзию идейно.

Однако самое главное и важное — это то, что уже тогда в творчестве Безыменского обнаруживались те идеологические грехи, которые впоследствии привели к самым крупным его срывам, неудачам, ошибкам.

Безыменский, воюя с абстрактностью и схематизмом «Кузницы», с ее громкой, но пустой декларативностью, провозгласил:

Откиньте небо! Отбросьте вещи!
Давайте землю и живых людей.

Однако эти слова в произведениях самого поэта остались также лишь пустой декларацией. Он не дал в своих произведениях живых людей. В других, не «кузнецовских», формах схематизм утвердился в творчестве Безыменского.

Характерно в этом отношении стихотворение «Петр Смородин». Безыменский заявил в нем:

Я хочу показать одного,
Чтобы в нем говорили тысячи.

Это желание можно было бы понять, как заявку на создание типического образа партийца, комсомольца, человека нашей большевистской эпохи, образа, реалистически воссоздающего в четко очерченной личности типическую фигуру.

На деле оказалось, что ни о каком типическом образе, ни о какой реальной индивидуальности, в которой эти типические черты воплощены, нет и речи. Безыменский просто заполнял какую-то стандартную анкету и в заключение говорил: «Вот она, вот она рабочая молодежь, родина моя, — комсомол мой».

Обращаясь к своему герою, он писал:

Говорят мне опять: «Нельзя
Памятник личности высечь»,
Петя! Тебя я взял
Потому, что ты сколок с тысяч!

В результате этого анкетно-стандартного подхода, у поэта не вышло ни индивидуального портрета, ни типического образа. «Сколок с тысяч» не есть вовсе какая-то арифметическая средняя, в которой стерты все характерные личные признаки.

Живая струя потока
Рабочий.
Комсомолец,
Коммунист.
Вот он:
По паспорту — токарь,
А по анкете — цекист.

Продолжая эту анкету, Безыменский писал:

Вот он пылающей речью
Старый ворочает мир,
Миг — и винтовку на плечи.
Он полковой командир.
В Пскове ли, Ямбурге, Нарве
Белогвардейцев бьет.
Миг — и в заводском зареве
Снова тачает болт.
Миг — и в цека галдежит,
Чрез комсомольский ров,
В армию молодежи
Льет большевистскую кровь....
Вот заседаний сотни.
Тезисы. Книги. Листки.
Митинг. Ячейки. Субботник.
Фабрики. Села. Полки...
Эпос,
Эпос величавый!

По сути дела в этих стихах была та же абстрактность, тот же схематизм, та же декларативность, с которыми боролся Безыменский, сражаясь с «Кузницей». Нагромождая общие места и надсаживаясь в крикливых заявлениях, подменяя живую картину сухим перечислением — фабрики, села, полки и т. д., — Безыменский отличался от «кузнецов» лишь тем, что вместо планет перекидывал, как комья, людей, вещи, события. И, перефразируя его собственные строки, Безыменскому можно было бы сказать: хорошо людей перекидывать, как комья, а вы попробуйте действительно показать их. И, разумеется, никакого эпоса у Безыменского не получалось.

Вот этот-то крупнейший порок, обнаружившийся еще в «Петре Смородине», мы находим у Безыменского на всем протяжении его творчества. Он ощутимо сказывается в удачных его произведениях, таких, как «Трагедийная ночь», как «Выстрел», и он целиком побеждает в таких явно неудачных работах Безыменского, как «Ночь начальника политотдела».

Возьмем, например, «Выстрел».

Это сатирическое произведение обладает многими достоинствами. Оно, в сущности, обнаружило, как это показывают и эпиграммы Безыменского, что он по своему призванию — сатирик.

Здесь надо, между прочим, сказать, что сатирическая природа таланта Безыменского обнаруживается почти во всех его стихах.

В «Выстреле» на каждом шагу встречались хлесткие сатирические строки, построенные коротко, афористически сжато.

Пьеса была направлена против правого уклона, против бюрократов и классовых врагов. Она возымела свое действие и попала в цель.

Каков же важнейший недостаток «Выстрела»? В этой пьесе дал знать себя левацкий авангардизм. Молодежь выдвигалась, как застрельщик и вдохновитель борьбы против Пришлецова, Гладких и других. Старые рабочие и основная партийная масса были пассивны и лишь потом пробуждены молодежью. В таком изображении действительности — ошибка Безыменского.

Далее. Комсомольцы, выведенные им, похожи друг на друга, как медные пятаки. У них нет индивидуальных отличий. Они говорят о себе:

Герой наш Время,
Все мы вместе
И вместе с тем — любой из нас.

Приглядимся к другим произведениям.

Главный недостаток, порок творчества Безыменского заключается, в том, что он схематизирует людей, факты, события, что в его творчестве они теряют свою реальность и обращаются в арифметическую среднюю, а иногда и в алгебраический знак.

Так обстоит дело в очень многих произведениях Безыменского. Характерна в этом отношении «Ночь начальника политотдела», где вместо реальных процессов и фактов даны надуманные и обедняющие действительность ситуации, где нет образов людей, нет характеров. В сущности, во всех своих поэмах Безыменский не создал ни одного характера.

В «Ночи начальника политотдела» Безыменский не позаботился об изучении реальной жизни деревни, а превратил своих героев в рупоры небрежно продуманных и столь же небрежно оформленных поэтически мыслей.

Реальная и сложная борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, борьба за трудовую дисциплину упрощена в поэме до предела. Лодырь Майоров представлен, как на плохом плакате. Его окружает всеобщее презрение, ему положительно некуда деваться, он пытается покончить с собой. И немедленно вслед за этим по мановению волшебной палочки он превращается в ударника.

Безыменский нагромоздил в своей поэме немало нелепостей, уже отмеченных критикой в свое время.

Выдуманная и нелепая сцена со снопом и положенным на него рублем, идиллическая картина колхоза и внезапно обнаружившаяся и столь же внезапно и легко ликвидированная банда, мечтательно декламирующий начальник политотдела — все это взято как будто с другой планеты, все это придумано по заранее составленной плохой схеме.

Поэма помимо всего сделана исключительно небрежно. В нашей критике не раз отмечалось, что Безыменский не работает над собой. Одни и те же однообразные стихотворные приемы: бесконечные каламбуры, длинные перечисления и списки фактов и эмоций, вроде того, какой мы приводим из «Петра Смородина», небрежное до крайности обращение с эпитетом («молодая и горячая» мощь земли, «страсть грандиозна, пронзителен взор», «дивная страна», «я бесподобно жив», «громоноснейшие» слова и т. д.), нагромождение слов, чтобы заполнить пустоту, — все это и раньше было у Безыменского, но в последние годы он стал работать совсем спустя рукава.

Если продумать творческий путь Безыменского, то окажется, что тот коренной недостаток, который мы усматриваем уже в «Петре Смородине», превратился в существенную черту его творчества.

Схематизм и стандарт в изображении людей, поверхностный подход к действительности, крайнее упрощение и обеднение ее, выдуманные ситуации, декларативность и декламация — таковы весьма заметные черты подавляющего большинства стихов Безыменского. Удаются ему больше сатирические стихи и эпиграммы, построенные на каламбурах и острых концовках.

В этой связи совершенно понятно и не случайно, что Безыменский принадлежал к «Литфронту», что он воинственно сражался против реалистического романа, против реалистической литературы, что он подменял дурно понятой злободневностью и псевдоактуальностью подлинное реалистическое изображение жизни, глубокое ее раскрытие.

Литературные взгляды Безыменского, послужившие причиной указанных пороков его творчества, связаны с его литературно-политической линией и прямыми антипартийными выступлениями.

Известно, что в 1923 году Безыменский был троцкистом и подписывал троцкистскую платформу. Известно, что Безыменский был в рапповской «левой». Он боролся против Авербаха, но не с партийных позиций, он шел совместно с Лелевичем и Вардиным, которые были разоблачены как враги народа еще раньше, чем Авербах. Безыменский вошел затем в «Литфронт» — беспринципный блок, явившийся прямой агентурой в литературе право-левацкого блока Сырцова—Ломинадзе.

Неверная литературно-политическая позиция на протяжении ряда лет и крайне слабая работа над собой, соединяясь вместе, определили падение роли Безыменского в поэзии, падение интереса к нему у выросшего советского читателя.

Безыменский должен это понять. И понять поскорее.

Борьба с авербаховщиной

На расширенном заседании президиума ССП СССР 25—26 мая

Все заседание президиума ССП было посвящено вопросам большой и ответственной работы по очищению литературных рядов от троцкистско-авербаховских последышей. Об этой работе говорили тт. **В. Ставский, А. Фадеев, И. Микитенко, И. Фефер, Даниэль** и др.

Борьбу с авербаховщиной надо вести, не допуская перехлестываний и огульного охаивания всей РАПП.

Именно авербаховщине должна быть об'явлена беспощадная война, авербаховщине, являющейся, как подчеркнул в своей речи т. В. Ставский, синонимом не только прямого вредительства, но и лжи, неискренности в отношениях, равнодушия к судьбам советской литературы, взаимных подвохов, задабривания из низменных побуждений, бесстыдного карьеризма.

О том, как нагло и упорно пускал Авербах и его свита в ход всю свою механику воздействия, с большой убедительностью свидетельствуют признания, сделанные на заседании президиума Д. Мирским. Мирский, вернувшийся в Россию в 1932 году после долголетнего пребывания в эмиграции, был немедленно «подобран» Авербахом.

Верный своему неизжитому буржуазному мироощущению, Мирский почувствовал себя чрезвычайно польщенным. Он охотно согласился стать орудием авербаховской политики, согласился лгать, писать неискренние статьи, травить неугодных авербаховской клике писателей, хотя бы он и не находил в себе по отношению к ним никакой вражды.

Так возникла и печально-знаменитая статья о Фадееве, который вчерашним белым эмигрантом начисто вычеркивался из списка советских писателей. Статья была написана по прямому заданию Б. Ясенского. Первый ее вариант показался слишком мягким Ясенскому и Корабельникову. Последний разгромил статью «за половинчатость» и Мирский покорно внес необходимые «поправки».

— Всю меру этой подлости, — заявляет Мирский, — я понял уже тогда, когда на состоявшемся вскоре после этого совещании критиков я услышал выступление Корабельникова, давшего роману Фадеева «Последний из удэге» оценку, во всем противоположную той, которую я слышал от него на квартире у Ясенского.

Говоря о позорной практике авербаховцев, президиум не мог обойти и подлую «работу» темного дельца, наглого авантюриста П. Крючкова. Вся гнусная возня авербаховской клики покрывалась преступником Ягодой.

Тов. Безыменский протестует против об'явления всей РАПП троцкистской шайкой, потому что, несмотря на «работу» авербаховцев, она, РАПП, в целом правильно, по мнению Безыменского, боролась против его литературно-политических ошибок. **Рассказав о своих ошибках и критикуя их, т. Безыменский указывает на факты переплетения вредительской деятельности различных филиалов троцкизма в литературе, внешне враждовавших, но действовавших по методу разделения труда.**

★

На заседании неоднократно поднимался вопрос о положении в литературных организациях братских республик.

В. Ставский привел ряд фактов, показывающих, как авербаховцы прокладывали путь в литературу для шпионов, разведчиков, для всякого сброда, умеющего использовать любое обстоятельство во вред социалистической стране, как троцкистские выродки смыкались с этим сбродом, вырабатывали с ними единую линию вредительства и диверсий.

Большой интерес в этом смысле представляла и информация тт. **И. Микитенко** и **И. Фефера** о положении на Украине.

Украинская литературная организация пользовалась самым пристальным «вниманием» со стороны врагов всех мастей, а пребывание у руководства врага народа Сенченко облегчило его союзникам осуществление их подлых планов. Одной из самых утонченных форм вредительства Сенченко являлось систематическое отвлечение писателей от творческой работы. Для этого изобретались бесчисленные банкеты, пароходные прогулки, заседания, для этого создавались склоки, провоцировались стычки, насаждалась вопиющая групповщина.

Особенно упорно практиковался метод вышибания неугодных людей из руководства организации, упорной и четко продуманной травли их, распространения клеветнических слухов и т. п.

Прав был т. Фефер, указавший, что троцкист Сенченко продолжал в сущности тактику троцкиста Авербаха, который тоже в разные времена пытался по-разному ликвидировать таких писателей, как Шолохов, Панферов, Фадеев и др.

Нельзя никак согласиться с одной тенденцией в выступлении т. Микитенко на заседании президиума.

И. Микитенко пытался провести какую-то грань между РАПП и украинской организацией ВУСП, доказать, что эти организации далеко не одно и то же, так как они вызваны были к жизни явлениями и задачами, отличными друг от друга.

Это, конечно, совершенно неправильно, и на неправильность такой точки зрения указали т. Микитенко члены президиума.

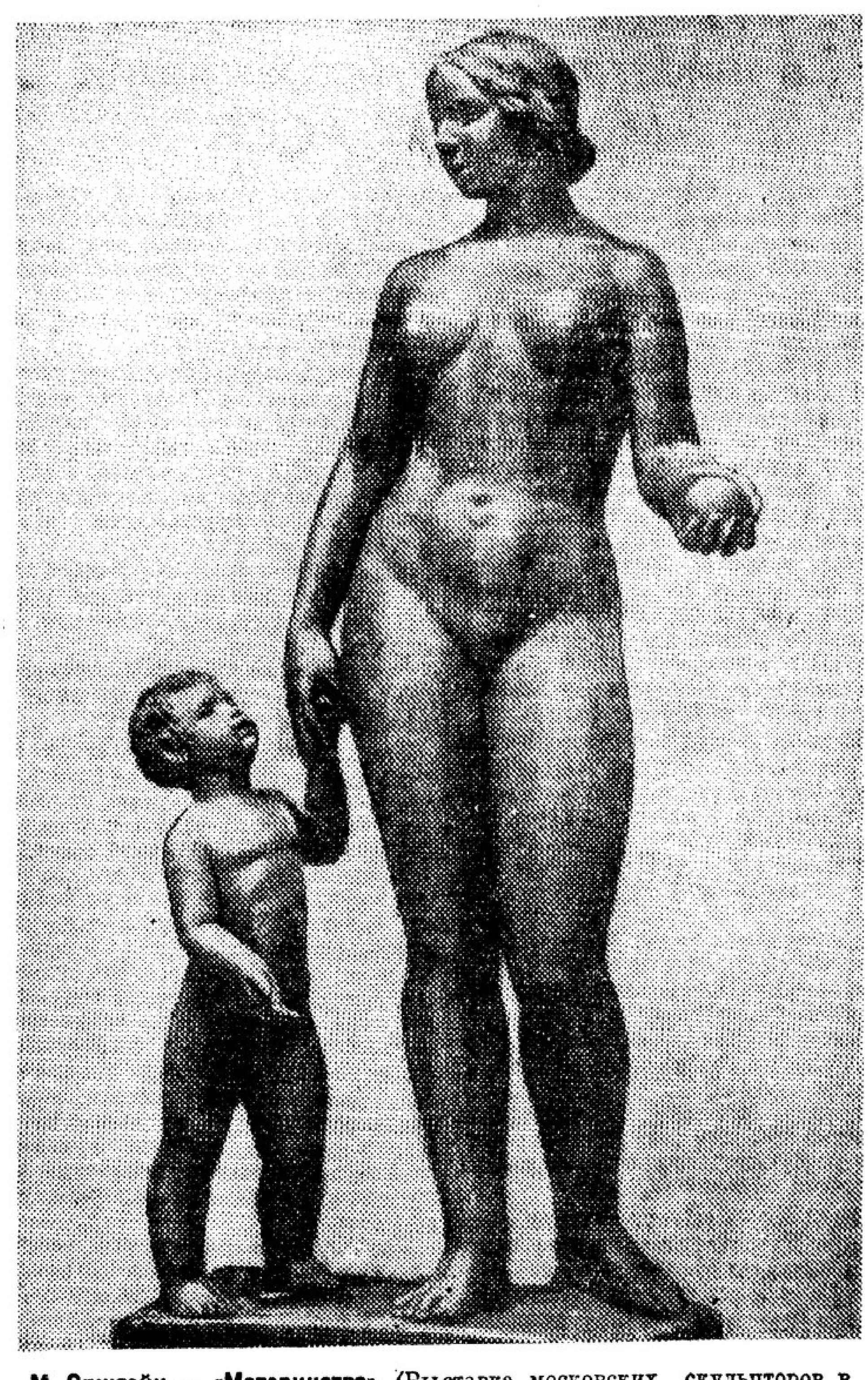
Вялую, неудовлетворительную по содержанию речь произнес Ю. Либединский. Если вспомнить, какую роль играл в свое время Либединский в формулировании некоторых вредных рапповских лозунгов, то станет понятным, что от него следовало ждать большей конкретности в разоблачении авербаховской «кухни».

Полное недоумение вызвало выступление К. Горбунова. В этом выступлении, помимо утаивания фактов и виляния, был сильный элемент комизма. Горбунов, очевидно, очень склонен переоценить свой удельный вес, как писателя и общественного деятеля, и потому размахнулся на речь, которая непосвященного человека могла бы заставить думать, что именно он, Горбунов, отвечает за все грехи РАПП.

А ведь Горбунов фигура мелкая и дискредитировал он себя не какими-нибудь теориями или книгами, которых никто и не заметил, а больше всего своей неприглядной ролью выполнителя различных «заданий» Крючковых и Авербахов.

Президиум решил поставить на очередном пленуме вопрос о выводе Горбунова, наряду с Ясенским, Киршоном и Афиногеновым, из состава правления Союза советских писателей.

ДЕЛЬМАН.

М. Эпштейн — «Материнство». (Выставка московских скульпторов в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве).

В секциях ССП

У ПОЭТОВ

На первом расширенном заседании бюро секции поэтов, 25 мая, обсуждалась опубликованная в «Литературной газете» от 15 мая статья **«Литпитающиеся».**

Выступивший поэт Вл. Луговской, отрицая факт избиения сторожа на строительстве дома РЖСКТ «Советский писатель», все же вынужден был признать, что он поступил по отношению к нему резко и грубо, оттолкнув его от ворот строительства.

Бюро секции, учитывая, что за Вл. Луговским ранее никогда подобных поступков не замечалось, вынесло ему порицание.

При обмене мнениями о состоявшемся **24 мая** в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького **«Дне советской поэзии»** вызвало всеобщее удивление выступление поэта Николая Панова, пытавшегося очернить ценные мероприятия секции поэтов и дискредитировать им же вчера избранное и облеченное доверием бюро.

Случай с Пановым характерен. К сожалению, немало еще поэтов смотрит на писательскую организацию, как на некий «распределитель славы».

Они чрезмерно придирчивы и малейший повод готовы использовать в качестве доказательства того, что их «затирают» и «недооценивают».

Необходимо раз и навсегда прекратить на поэтических собраниях «крохоборческие» жалобы и всерьез заняться творческими делами.

Это подчеркивали в своих выступлениях поэты А. Сурков, Дж. Алтаузен и И. Уткин.

Бюро секции решило специально обсудить на следующем своем заседании творчество Н. Панова.

В. Инбер информировала секцию об окончании ею новой пьесы в стихах **«Союз матерей».**

Обсуждение пьесы состоится на одном из ближайших собраний поэтической секции.

У ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Фольклористы Москвы обсудили на днях работу фольклорной секции ССП СССР.

В прениях по докладу председателя секции Ю. М. Соколова в ее деятельности было выявлено много серьезнейших провалов и ошибок.

Участников прений работа секции мало удовлетворила.

Тт. Слетов, Чичеров, Сидельников, Тарловский и др. отметили, что секция не выполнила поставленных перед ней задач. С краевыми и национальными писательскими организациями секция связана плохо. Не руководит она и работой по фольклору в областях и республиках.

Никак не реагировала секция на известное постановление Комитета по делам искусств при СНК СССР о «Богатырях» Демьяна Бедного.

«Правда» и другие советские газеты жестоко раскритиковали неправильные взгляды Ю. М. Соколова на происхождение русского эпоса. Однако секция не обсудила фольклорные теории своего председателя. Не дала секция критического разбора и вредного сборника частушек Артема Веселого.

Избрано новое бюро секции. В него вошли: **Ю. Соколов, А. Аршаруни, П. Скосырев, Б. Шергин.**

А. РАГОЗИН

«Мертвые души»

(К 95-летию со дня выхода первого тома)

I

В 1835 году, когда Гоголь начал писать «Мертвые души», в глазах большинства современников он был только талантливым юмористом.

Критики, так же как и читатели, не обнаруживали в его творчестве какой-либо особой глубины. Сенковский находил, что самое замечательное у Гоголя — это «простодушная украинская насмешка». Полевой ценил в нем «добродушную шутку». А. Шевырев ценил Гоголя за то, что он открыл «клад простодушного, искреннего, ни у кого не занятого и неистощимого смеха».

С. Т. Аксаков рассказывает, как В. И. Панаев, член Российской академии и литератор, справлялся у него: «А что Гоголь? Опять написал что-нибудь смешное и неестественное?»

Сам Гоголь также считал, что первые его произведения были написаны ради одного смеха. «Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза».

Пушкин и Белинский раньше самого Гоголя поняли, в чем состоит истинное его призвание. В сентябре 1835 года, за полгода до появления «Ревизора» и за 7 лет до появления «Мертвых душ», **Белинский** писал: «Гоголь есть поэт жизни действительной... Комическое одушевление Гоголя всегда побеждается глубоким чувством грусти и уныния... И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно. И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно!».

Статья Белинского, так же как и беседы с Пушкиным, заставили Гоголя совсем по-иному отнестись к своему творчеству. «Я, наконец, задумался, — рассказывал он впоследствии, — если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить по-пустому. Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над всем посмеяться». Эта мысль воодушевляла Гоголя и тогда, когда он работал над «Ревизором», и тогда, когда он начал обдумывать сюжет «Мертвых душ».

Однако уже первые главы «Мертвых душ» заставили его пересмотреть свои взгляды. Сюжет был задуман очень широко. «Мне хочется, — писал Гоголь, — показать в этом романе хоть с одного боку всю Русь». Показать Русь с одного боку — это и означало собрать все, что есть в ней дурного, и посмеяться над ним.

Поэтому Гоголь и подчеркивал в этом письме: «Сюжет... кажется будет сильно смешон».

Но Пушкин не нашел в сюжете ничего смешного. Слушая первые главы, он не только не смеялся, но становился все более мрачным и, наконец, воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!». Этот отзыв испугал Гоголя. Он хотел своей книгой показать читателям все дурное, что есть в России, и поразить это зло силой своего смеха. Но он не желал вызывать в читателях чувство отчаяния. Гоголь решил, что он слишком сгустил краски. «С этих пор, — признался он впоследствии, — я уже стал думать о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, какое могли произвести «Мертвые души».

II

Началась поспешная переделка написанных глав. Беспощадно выбрасывались преувеличения, элементы карикатурности и шаржа. Образы стали жизненными и правдивыми, чудовища превратились в людей. Но книга не стала от этого ни легче, ни веселее, она стала лишь еще более убедительной.

С каждым днем шире становился диапазон произведения, множилось число героев. Гоголь чувствовал, как волны пошлости, невежества и человеческой низости захлестывают его книгу. Он уже не владел своей книгой. «Кто-то незримый пишет предо мною могущественным пером», — жаловался он Жуковскому.

Гоголю самому стало страшно от созданного им изображения помещичьего и чиновного мира николаевской России. Смягчить тягостное впечатление от книги углублением реалистической манеры письма ему не удалось. Чем реалистичнее становились образы, тем непригляднее становилась вся картина. Тогда Гоголь отступает от первоначального замысла. Он отказывается от мысли изобразить «Русь с одного боку», он хочет показать не только дурное, но и хорошее, что есть в России.

Как он сам писал потом в «Авторской исповеди», он «почувствовал потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться».

Но это и вовсе оказалось невозможным. Ни творческое воображение, ни память, ни острая наблюдательность не подсказывали ему тех образов, явлений или хотя бы фактов, которые были бы так же характерны для господствующих классов николаевской России, как и созданные им ранее картины, и тем самым смогли бы смягчить тягостное впечатление от книги.

Художественная правда, глубокое и искреннее реалистическое дарование исключали всякое иное изображение того господствующего класса, в интересах которого царское правительство зажало огромную страну в тиски нищеты и невежества. Гоголь был «поэтом жизни действительной». И не погрешая против истины, он не мог облагородить или возвысить своих героев.

Тогда Гоголь радикально меняет тему своего произведения. Он совсем отказывается от мысли изобразить Россию. Отныне темой его произведения будут не дурные и хорошие стороны в общественной жизни и устройстве России, а дурные и хорошие качества души русского человека. В 1840 г., когда работа над первым томом была уже почти закончена, он писал, что задается целью «изобразить все, что ни есть хорошего и дурного в русском человеке... свойства нашей русской природы».

Эта новая формула творчества была неизбежным следствием отступления от первоначального замысла: «собрать все дурное и за одним разом над всем посмеяться». Поскольку Гоголь решил дать в своем произведении наряду с отрицательными моментами и положительные, он не мог их найти в общественном устройстве России и должен был обратиться за ними к душевным качествам русского человека, к «свойствам нашей русской природы».

Новая идея целиком захватывает Гоголя. Сюжет «Мертвых душ» уже не кажется ему незначащим анекдотом. В 1835 г. он отзывался о нем едва ли не пренебрежительно: «сюжет... кажется будет сильно смешон», — писал он Пушкину. С. Т. Аксакову он говорил тогда же, что работает над любопытным и забавным анекдотом.

Через год, в письме к Жуковскому, он говорит о сюжете совсем другими словами: «Какой огромный, какой оригинальный сюжет». А в 1841 г. он убежденно раз'ясняет Аксакову: «Здесь явно видна мне святая воля бога: подобное внушенье не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета».

III

Но новый сюжет и новую тему трудно связать с законченным уже первым томом. Гоголь понимал, что в первом томе изображена крепостническая Россия, а не свойства русской природы. Читатель, ведь, не знает дальнейших замыслов автора и будет воспринимать книгу так, как она написана. И Гоголь спешит предупредить хотя бы друзей, чтобы они не делали поспешных выводов.

Первый том, — раз'ясняет он, — это только вступление, предисловие к тому великому творению, которое готовится. В первом томе умышленно собрано все низкое и пошлое, что есть в людях, собрано для того, чтобы ярче забил свет во втором и третьем томе, чтобы со всей силой была подчеркнута глубина предстоящего просветления.

«Мой труд важен и велик, — пишет Гоголь Плетневу, — и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет... Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится».

Подобные комментарии были сочувственно восприняты группой близких Гоголю московских славянофилов. Читатели же восприняли «Мертвые души» именно так, как они были с самого начала задуманы автором. С первых же страниц они узнали николаевскую Русь во всем ее неприглядном, отталкивающем облике.

Впечатление, произведенное «Мертвыми душами», было огромно.

«Мертвые души», — писал **Герцен**, — потрясли всю Россию». Герцен скорее преуменьшил, чем преувеличил общее впечатление. Гоголь признавал впоследствии, что «Мертвые души» напугали Россию. И это гораздо вернее.

Но чем же могла эта книга так напугать читателя, если в ней ничего не было, кроме изображения «дурных качеств русского человека»? Для этого, по крайней мере, нужно было изобразить какие-то необыкновенные, даже неслыханные пороки.

Но в «Мертвых душах» нет ничего похожего. Там нет ни злодеев, ни убийц, ни кровосмесителей. Там нет ни одного чудовища в человеческом образе, которых так любили изображать писатели-романтики XIX века. «Мне бы скорее простили, — писал потом Гоголь, — если бы я выставил картинных извергов».

Действительно, в его произведении нет таких картинных извергов. И тем не менее впечатление, произведенное «Мертвыми душами», было неизмеримо сильнее, чем впечатление от десятков книг, заполненных описаниями самых чудовищных преступлений.

Огромная сила воздействия «Мертвых душ» заключалась именно в том, что Гоголь показал не пороки русской натуры, а эксплоататорскую сущность, безграничную пошлость и ничтожество представителей господствующего класса России.

Герои «Мертвых душ», взятые вне времени и пространства, рассматриваемые просто как галлерея человеческих характеров, никого бы не испугали. Пошлые, ничтожные люди, погрязшие в собственном эгоизме, — вот все, что можно было бы о них сказать. Но Гоголь нарисовал не просто галлерею характеров. Он изобразил господствующий класс России, он изобразил тех людей, которые не только управляли, но и владели Россией, владели не мертвыми, а живыми душами великого народа, замученного столетиями рабства, беспросветной нищеты и невежества.

Это и было самое страшное.

Ужас положения заключался в том, что эти люди, всю пошлость и никчемность которых Гоголь раскрыл с гениальным проникновением, были помещиками, т. е. не только присваивали себе плоды народного труда, но и всецело распоряжались жизнью десятков миллионов людей.

Вот смотрите, — обращался Гоголь ко всему человечеству, — для кого миллионы обездоленных тружеников превращены в голодных и нищих рабов, вот в чьих руках находится благополучие, судьба и жизнь десятков миллионов мужчин, женщин, стариков, детей. Эта страшная картина, от которой, по словам Белинского, волосы становились дыбом, не могла не потрясти и не ужасать честных людей.

Разумеется, появление «Мертвых душ» не могло вызвать единодушной оценки. Реакционная критика встретила «Мертвые души» потоками гнусной брани. Но никто не оспаривал реалистичности и правдивости написанных Гоголем портретов. Его обвиняли лишь в том, что он частное превращает в общее, что из единичных мерзостей и низостей создает общую картину. Читательская же масса и вся передовая критика целиком признали правоту Гоголя.

IV

То, чего не смогла сделать реакционная критика времен Гоголя, взяла на себя реакционная критика конца прошлого и начала нынешнего столетия. Гоголь, положивший начало всему критическому направлению русской литературы, был неожиданно об'явлен последовательным консерватором. Все его творчество стало рассматриваться исключительно под углом зрения второго тома «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Между первым и вторым томами «Мертвых душ» были установлены органическое единство и преемственность, которые не в силах был установить даже сам Гоголь. В результате этого фальшивого методологического приема Гоголь не только приобрел облик консерватора, но заодно и утратил черты художника-реалиста. Князь Трубецкой выступил с таким заявлением: «Не те или другие преходящие черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народного характера выразилась в произведении Гоголя». Еще решительнее выразил эту мысль Мережковский: «Единственный предмет гоголевского творчества и есть чорт именно в этом смысле, т. е. как явление бессмертной пошлости людской, созерцаемой за всеми условиями местными и временными... пошлость sub specie aeternitatis».

Сигнал, поданный реакционной критикой, не остался без отклика. Особенно довольны были декаденты и символисты. На Гоголя, — твердили они, — невозможно более смотреть, как на последовательного реалиста, отразившего в своих произведениях русскую действительность. Гоголь тотчас же был определен ими как символист и мечтатель, воплощающий в своих произведениях причудливый мир своих видений.

Отголоски этого похода на Гоголя долгое время звучали и в советском литературоведении. Вульгаризаторы разных оттенков упорно пытались убедить советского читателя в том, будто Гоголь является реакционером. Не смея отрицать огромного обличительного и даже революционного для того времени значения «Мертвых душ», они изображали Гоголя как идеолога дворянской самокритики, выражающего феодально-реставрационные чаяния поместного дворянства. В этой клевете на Гоголя нетрудно усмотреть отголоски той самой методологической передержки, которую пустили в обращение Мережковские и Розановы, — рассмотрение всего творчества Гоголя сквозь призму второго тома «Мертвых душ». А для обоснования этого несостоятельного приема голословно, вопреки всем сохранившимся материалам о восемнадцатилетней работе Гоголя над «Мертвыми душами», утверждалось не существующее в действительности органическое единство обоих томов.

Первый и второй томы «Мертвых душ» — книги разные и по содержанию и по методу художественного творчества. Первую писал художник-реалист, вторую — художник-моралист. Первая говорит о сущем, вторая — о должном. В первом томе писатель целиком исчерпал поставленную перед собой тему. Во втором томе он начал разработку совершенно новой темы. Мы имеем поэтому все основания считать первый том «Мертвых душ» вполне законченным произведением. Пусть в нем нет сюжетной развязки. Она и не нужна, так же, как не нужна в «Иване Федоровиче Шпоньке». Тема книги — не приключения Чичикова, а николаевская крепостническая Русь. И эту тему Гоголь исчерпал в первом томе полностью. Поддерживать версию о единстве первого и второго тома могут лишь те, кому хотелось бы, вопреки острому социальному содержанию творчества Гоголя, зачислить его в лагерь идеологов дворянской реакции.

V

«Мертвые души» сейчас, как и девяносто пять лет назад, ни в какой мере не утратили силы своего воздействия. Изменился лишь характер производимого на читателей впечатления. В 1842 году, когда «Мертвые души» только вышли, Белинский писал: «Грустно думать... что добродушное невежество от души станет хохотать от того, от чего у другого волосы встанут на голове». Тогда это было справедливо. Только наивные невежды могли смеяться, глядя на себя в зеркало, поставленное перед ними Гоголем. Сейчас гоголевское зеркало показывает нам мир, ушедший в далекое прошлое. И когда мы смотрим сейчас на запечатленные гениальной рукой эти жалкие в своем ничтожестве образы прошлого, они не могут вызвать в нас ни страха, ни отчаяния, — сейчас над ними можно смеяться.

Молодой Маркс, в одной из ранних своих работ «К критике гегелевской философии права», писал: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда несет в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее **комедия**. Богам Греции, однажды уже трагически раненным на-смерть в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в «Разговорах» Лукиана. Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество, **смеясь**, расставалось со своим прошлым».

«Мертвые души» и сейчас одна из самых любимых книг в нашей стране. И мы любим ее не только потому, что она написана с гениальным мастерством, но и потому, что в ней мы, **смеясь**, расстаемся с проклятым и уничтоженным прошлым. Гоголевские образы ушли из реальной жизни, но, запечатленные в литературе, они помогают нам строить нашу жизнь; освобожденные от своей трагической сущности, они всей силой сатирического смеха разят сейчас и пережитки прошлого, и подлые происки наших врагов.

Не случайно Ленин вспоминал в своих выступлениях так часто гоголевских героев.

И нужно ли удивляться тому, что даже мельком появившаяся на страницах «Мертвых душ» фигурка дворовой девочки Пелагеи смогла, упомянутая к месту, рассмешить всю огромную страну в дни недавнего С'езда советов!

Двадцать пять лет спустя

Беседа с Борисом Лавреневым

Посреди комнаты стоит небольшой ломберный столик. Мягко стучат клавиши пишущей машинки.

— Давнишняя привычка, — замечает Борис Андреевич Лавренев, подымаясь из-за стола. — Предпочитаю «стучать» на машинке, чем писать от руки.

...В начале 1912 года студент-юрист Московского университета Б. А. Лавренев, аккуратно перепечатав на машинке несколько стихотворений, отнес их в редакцию альманаха «Жатва». Альманах вышел в свет в мае, и стихи Лавренева были там напечатаны.

Ровно через 25 лет после выхода майского альманаха «Жатва» мы беседуем с Б. А. Лавреневым. Он рассказывает о начале своей литературной биографии, о годах, проведенных в группе московских футуристов.

— Мы были очень молоды и не очень грамотны — литературно и общественно-политически. Московские футуристы «громили, взрывали застывшие формы символизма».

— В 1915 году я был мобилизован в армию. Попав на фронт, я увидел ничтожество моих «бунтарских» идей, о них можно было спорить в ресторане «Яр», но они выветрились, исчезли в сырых и холодных землянках. Я увидел трагедию мировой бойни, я понял, чего требуют от меня, писателя, люди, коченеющие в окопах и гибнущие под бомбами и снарядами. В 1916 году мной был написан рассказ «Гала-Петер». Я выступал в нем против войны. Рассказ был из'ят военной цензурой из киевского альманаха «Огонь» (этот рассказ в переработанном виде напечатан лишь в 1923 г.).

...В 1919 году, в разгар гражданской войны, Б. А. Лавренев работает в красноармейской печати на туркестанском фронте. Во фронтовых газетах он пишет передовые и хронику, стихи и очерки с передовых позиций. Беллетристика позабыта. Только в 1921 году Б. А. Лавренев вновь уселся за редакционную пишущую машинку, чтобы напечатать рассказ «Ишак Ширмамеде». Этот рассказ как и «Двухголовая птица» и «Дневник генерала Соболевского», был впервые опубликован в красноармейской газете туркестанского фронта

«Красная звезда». В Ташкенте было много написано стихов и рассказов, там был закончен и первый вариант «Ветра», впоследствии доставившего автору широкую известность.

— Я задумал «Ветер», — рассказывает Б. А. Лавренев, — как развернутую эпопею, включающую все мои наблюдения за годы революции и гражданской войны. В 1923 году я привез из Ташкента в Москву рукопись романа — 1600 страниц, собственноручно напечатанных на машинке!! В Москве, в редакциях, когда посмотрели на эту рукопись, занявшую целый чемодан, ахнули: «Да это же материал на полдюжины книг». Действительно, из этой рукописи получились и «Ветер», и «Рассказ о простой вещи», и «Сорок первый» и «Седьмой спутник»... Удивительная судьба «Ветра» заставила меня всерьез заняться теорией композиции и сюжета. Я работал много и долго, ошибался и срывался. Этот период напряженной работы завершился пьесой «Разлом».

— После постановки «Разлома» в Театре имени Вахтангова,—вспоминает Б. А. Лавренев, — ко мне обратился рапповский «литвождь» Авербах с любезным предложением: «Вступайте в РАПП». Я отказался стать сотрудником Авербаха. И вот, как говорится, на глазах у публики ко мне резко меняется отношение авербаховской критики. Следующая пьеса «Враги» обвинена во всех существующих и несуществующих грехах. Под давлением авербаховской критики московские театры отказываются ее ставить, и пьеса включается в репертуар лишь того театра, который для меня был и остается авторитетнее всех рапповских критиков. Пьеса вошла в репертуар театра ОКДВА и шла там три года, имея большой успех у бойцов.

— За 25 лет, — говорит Б. Лавренев, — мною опубликовано общей сложностью 100 печатных листов, написано 5 пьес и 6 сценариев. Но сейчас я считаю «удержавшимися» в литературе не более 35 листов. Лучшими произведениями мне кажутся «Ветер», «Седьмой спутник», «Сорок первый», «Разлом», «Большая земля», «Стратегическая ошибка», книга очерков «Так держать». Это лучшее. Но было немало и неудачного. Очень серьезной неудачей я считаю первую часть романа «Синее и белое», напечатанную в «Звезде». Этот роман я отказался издавать отдельной книгой, коренным образом перерабатываю его и предполагаю издать обе части через год — два. Повторяю, это будет совершенно новый роман.

...Б. А. Лавренев подводит нас к книжному шкафу. На одной из полок тесным рядом стоят книги Б. Лавренева, изданные во многих странах. Переводы сочинений Б. А. Лавренева вышли на французском, английском, шведском, польском, немецком, японском, китайском, еврейском, в общем на 16 языках.

— Я пишу роман и пьесу об интернациональной бригаде, борющейся за Испанскую республику. Эта тема меня захватила и увлекла.

— Мне хочется сказать, — заканчивает нашу беседу Б. А. Лавренев.— о той особой бодрости, которую ощущаешь сейчас, когда партия громит и разоблачает троцкистско-авербаховское и горбачевское вредительство, которое столько лет тормозило победный шаг советской литературы. Хочется писать много и хорошо!

Ю. ЛИН

Юбилейный вечер Бориса Лавренева

ЛЕНИНГРАД, 29 мая. **(По телеграфу от нашего корр.).** Юбилейный вечер Б. А. Лавренева, посвященный 25-летию его литературной деятельности, состоялся в Доме писателя имени Маяковского.

Вечер открыл **Алексей Толстой.**

— В былые времена, — сказал он, — на юбилейных вечерах обычно говорилось о славном пути писателя, который уже 25 лет честно шагает по жизни.

Борис Андреевич Лавренев — писатель советской эпохи. Это значит, что он не шагает по жизни, а плечом к плечу с советским народом пробивает путь в будущее.

Быть советским писателем значит творить новую мораль нового, нами создаваемого мира. Мы, советские писатели, — авангард мировой литературы. Слову советской литературы жадно внимает народный фронт земного шара. Сейчас, когда мы разоблачили пробравшихся в наши ряды врагов, еще выше будет поднят факел советского искусства, пламя его будет гореть чище и ярче.

Б. А. Лавренев с честью идет в передовых рядах советской литературы. И мы ждем от него многого. Празднуя 25-летие творческой работы Бориса Лавренева, мы считаем его еще молодым, ибо молодость — знак всей нашей великой страны.

Доклад о творчестве Б. Лавренева сделал проф. П. Н. Медведев.

Тепло приветствовали юбиляра Леонид Соболев (правление ЛенССП), Ал. Прокофьев (партком ЛенССП), В. Каверин (ленинградский литфонд), Е. Шварц (Дом писателя им. Маяковского), т. Осипов (краснознаменный Балтфлот), З. Цыновец (Ленгослитиздат), Д. Щеглов (драмсекция) и Н. Лесючевский (редакция журнала «Звезда»).

Б. А. Лавренев получил более **50** приветственных телеграмм — от Института литературы Академии наук СССР, издательств, театров, писателей, артистов, читателей и т. д.

В ответном слове **Б. А. Лавренев,** останавливаясь на итогах своей 25-летней литературной работы, сказал:

— Всем, что я достиг, я обязан Великой социалистической революции, родине, народу, партии Ленина — Сталина, которая ведет мою страну к новым и новым победам.

В литературно-художественной части вечера были прочитаны отрывки из произведений Б. Лавренева и показана сцена из пьесы «Разлом».

С интересом был прослушан первый акт из новой пьесы Б. Лавренева «Начало пути» (о героической борьбе испанского народа за свою независимость). Читал его автор.

Дом писателя устроил к юбилейному вечеру выставку, отображающую творческий путь Б. А. Лавренева.

Б. Р.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1842 г.

Вышли «Мертвые души»

95 лет назад, 2 июня (21 мая по ст. ст.) 1842 года, вышел первый том «Мертвых душ». День выхода книги датируется совершенно точно воспоминаниями С. Т. Аксакова: «Первые, совсем готовые, экземпляры были получены 21 мая, в день имянин Константина, прямо к нам в дом, и тут же Гоголь подарил и подписал один экземпляр имяниннику, а другой нам с надписью: «Друзьям моим, целой семье Аксаковых».

Для печатания «Мертвых душ» Гоголь вернулся из-за границы в 1841 году. Переписанная в последний раз рукопись была сдана им в московский цензурный комитет. Обсуждение рукописи в комитете приняло такой характер, что Гоголь, убедившись в неизбежном запрещении романа, забрал рукопись и отправил ее в Петербург, где рассчитывал на влияние своих друзей. В одном из писем он рассказывает подробности этого обсуждения.

«Как только Голохвастов, занимавший место президента, услышал название «Мертвые души», он закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю; душа бывает бессмертна, мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия»... Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним и другие цензоры, что **мертвые** — значит ревизские души, произошла еще большая кутерьма: «Нет, — закричал председатель и за ним половина цензоров, — этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово — **ревизская душа**; уж этого нельзя позволить: это значит против крепостного права»... «Предприятие Чичикова, — стали кричать все, — есть уже уголовное преступление». «Да, впрочем, и автор не оправдывает его», заметил мой цензор. «Да, не оправдывает, а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души».

Цензор Крылов выдвинул еще более «убедительный» аргумент. «Что вы ни говорите, — заявил он, — а цена, которую дает Чичиков, цена два с полтиной, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого».

Петербургская цензура пропустила «Мертвые души», разумеется, с неизбежными поправками и купюрами.

Все эти треволнения довели Гоголя до отчаяния. «Я был болен, — пишет он в феврале 1842 г., — очень болен и еще болен доныне внутренно... И нужно же в довершение всего этого, когда и без того болезнь моя была невыносима, получить еще неприятности, которые и в здоровом состоянии человека бывают потрясающи». В другом письме он пишет: «Голова у меня одеревенела и ошеломлена так, что ничего не в состоянии делать, не в состоянии даже чувствовать, что ничего не делаю. Если бы ты знал, как тягостно мое существование, здесь, в моем отечестве».

1864 г.

«Гражданская казнь» Чернышевского

31 мая 1864 года в Петербурге, на Мытнинской площади, состоялся публичный обряд об'явления приговора и «гражданской казни» Н. Г. Чернышевского. До этого Чернышевский просидел почти два года в Петропавловской крепости, пока царское правительство, при помощи лжесвидетелей и сфабрикованных шпионами подложных писем, приобрело, наконец, «юридические основания» отправить на каторгу величайшего русского публициста XIX столетия.

Утром на площади собралось множество людей, хотевших выразить свое уважение Чернышевскому и проститься с ним. В докладе III отделения сказано: «Публики было 2—3 тысячи, из них простого народа считают не более ⅓; остальные все чиновного сословия. Замечено много дам стриженых...».

Чернышевский поднялся на эшафот и безразлично прослушал приговор. Палач переломил над его головой шпагу и привязал его к позорному столбу. На грудь ему повесили доску с надписью: «Государственный преступник».

«По окончании церемонии, — рассказывает присутствовавший на площади Гейнс (В. Фрей),—все ринулись к карете... Тогда были брошены ему букеты цветов. Одну женщину, кинувшую цветы, арестовали... Кучки людей человек в 10 догнали карету и пошли рядом с ней. Нужен был какой-нибудь сигнал для того, чтобы совершилась овация. Этот сигнал подал один молодой офицер; сняв фуражку, он крикнул: «Прощай, Чернышевский». Этот крик был немедленно поддержан другими и потом сменился еще более колким словом «до свидания»... Этот же крик был услышан толпою, находящейся сзади. Все ринулись догонять карету и присоединиться к кричавшим».

Так бессмысленная средневековая церемония, которой царское правительство надеялось «опозорить» Чернышевского, послужила лишь поводом для необычайной по тем временам противоправительственной общественной демонстрации.

НА ВЫСТАВКЕ МОСКОВСКИХ СКУЛЬПТОРОВ

Весенняя выставка московских скульпторов открылась 26 мая в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В саду музея посетителей выставки встречает монументальная фигура великого народного поэта А. С. Пушкина (работа скульптора И. Менделевича).

В залах музея выставлено около **300 скульптур.**

Большое количество выставленных работ посвящено портретам классиков и мастеров литературы.

На выставке представлены **120** московских скульпторов.

«ПРОДАННАЯ НЕВЕСТА» В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОПЕРЕ

(От нашего корреспондента)

Государственный академический Малый оперный театр показал свою новую работу — оперу чехословацкого композитора Бедржиха Сметаны «Проданная невеста». Либретто оперы переработано Алексеем Толстым и Вс. Рождественским.

— Во время моего пребывания в Чехословакии, — сообщил **А. Н. Толстой,** — мне хотелось, чтобы в нашей стране поближе познакомились с культурой этого талантливого народа. Естественно, что моя мысль обратилась к величайшему чешскому композитору Сметане и его опере «Проданная невеста».

Перерабатывая сюжет либретто, я сохранял в неприкосновенности действующих лиц и сюжетные ситуации, но ввел в спектакль новую тему, приблизив сюжет оперы к народной «плутовской комедии». Стихи к либретто написаны поэтом Вс. Рождественским.

Оценивая спектакль, А. Н. Толстой особо отмечает превосходную работу дирижера Фрица Штидри.

— Он поднимает музыку до уровня настоящей классики, снимает с нее налет сентиментальности, пропитывая ее энергией, бодростью, моцартовской легкостью.

— Постановка «Проданной невесты» в Малом оперном театре, — заключает А. Н. Толстой, — послужит делу углубления культурной связи СССР с Чехословакией.

Выставка И. Н. Крамского

В первых числах июня Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР и Государственная Третьяковская галлерея открывают выставку работ одного из крупнейших художников-реалистов XIX века — И. Н. Крамского, **столетие со дня рождения которого исполняется 9 июня** (27 мая ст. ст.).

На выставку уже поступило около **400** работ, из них **162** картины маслом. Больше всего представлено портретов.

ОРУЖЕНОСЦЫ АВЕРБАХА

На заседании парткома МХАТ обсуждался вопрос о верном оруженосце Авербаха, достойном соратнике Киршона по насаждению в литературной среде антипартийных, антисоветских нравов — А. Афиногенове. Как и следовало ожидать, Афиногенов пустил в ход все свое «красноречие», усвоенное в школке Авербаха, для того, чтобы разыграть сложную психологическую «драму». Под прикрытием звонких фраз всего удобнее увильнуть от прямого ответа на вопросы, поставленные в лоб.

Но все выступившие товарищи, оперируя неопровержимыми фактами, дали исчерпывающую характеристику деятельности Афиногенова. Во весь рост вырисовалась фигура пресыщенного мещанина, охотника до «красивой» жизни, беспринципного эгоиста, гоняющегося за рекламой, подбирающего в редактируемом им журнале «Театр и драматургия» своих людей, групповщика и двурушника, который давно потерял связь с партией. Многое могли бы, конечно, добавить к этой характеристике представители партгруппы союза писателей, если бы... если бы партгруппа послала таковых на заседание парткома МХАТ.

Партком постановил исключить Афиногенова из партии за антипартийную деятельность в литературе и связь с троцкистско-авербаховской группой.

26 мая на партийном собрании парторганизации ССП разбирался вопрос и о другом авербаховском приспешнике — Кирьянове.

Этот, с позволения сказать, «литератор» давно известен, как один из самых непримиримых апологетов Авербаха, как «штатный» подхалим Киршона, верно осуществлявший в журнале «Рост» политику своего шефа и долго ведший борьбу против решения ЦК партии от 23 апреля 1932 года.

Тем не менее, партком и партсобрание ССП нашли возможным ограничиться вынесением Кирьянову строгого выговора с предупреждением. Отмечая этот факт, «Правда» совершенно правильно говорит о «болотных настроениях» среди некоторой части членов парткома и парторганизации ССП.

«Басни Крылова»

СПЕКТАКЛЬ ТЕАТРА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Не впервые инсценируются басни Крылова для детской аудитории, и каждый раз крыловские звери доставляют удовольствие маленьким зрителям.

Теперь их изображают сами ребята — **коллектив Дома художественного воспитания детей Дзержинского района.** Это — спектакль Театра детского творчества в Московском доме пионеров и октябрят.

Ребята отлично разыграли басни — искренне, весело, живо, с чувством меры, с полным пониманием того, что они представляют. Некоторые из них очень хорошо подают текст, уместно и умно акцентируя его иронию. Легко и изящно исполнили «стрекозы» и «муравьи» целую балетную сценку.

Постановщики **А. В. Кельберер** и **С. В. Козиков**, как видно, провели большую педагогическую работу. Спектакль отличается большим художественным вкусом, четкостью характеристик. Следует, однако, доработать концовки некоторых басен — они недостаточно выразительны.

Очень удались Т. М. Сеженской и А. Ф. Толстой маски зверей.

Надо особо отметить музыку, написанную молодым композитором **Н. А. Басиловым.** В ней явственно чувствуются корни русской народной песни и настоящая музыкальная культура.

Думается, что этому спектаклю Театра детского творчества обеспечен заслуженный успех у ребят.

А. Ф.

«День Пушкина»

6 июня в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького состоится «день Пушкина».

В связи с этим парк совместно с массовым отделом Всесоюзной библиотеки им. Ленина проводит конкурс самодеятельных чтецов на лучшее исполнение произведений великого поэта.

Буржуазные националисты в писательской организации Марийской АССР

За годы существования советской власти марийский народ выдвинул своих писателей, создавших ряд значительных художественных произведений и переводных работ.

Блистательные победы на фронтах социалистического строительства вызвали обострение классовой борьбы.

Идиотская болезнь — беспечность и благодушие работников идеологического фронта — дали возможность врагам народа троцкистам и буржуазным националистам свить гнездо в таких организациях республики, как Пединститут, МАРНИИ, издательство и союз советских писателей. В течение нескольких лет вели подрывную работу: заведующий марийским издательством Эшкинин, политредактор Голубкин, председатель ССП Карпов, руководитель Научно-исследовательского института В. Мухин и др.

Во главе писательской организации до последнего времени подвизался буржуазный националист, враг народа с партийным билетом в кармане — Карпов. По его настоянию в члены союза писателей одним из первых был принят троцкист и буржуазный националист В. Мухин, которому вскоре услужливо была предоставлена трибуна для контрреволюционных троцкистских проповедей в журнале «У Вий» (редактор Карпов).

Председатель ССП и редактор журнала Карпов не только не вел борьбы против Мухина, но и способствовал печатанию его контрреволюционной стряпни, а в 1935 году добился введения В. Мухина в состав редакционной коллегии журнала «У Вий».

Когда партийная организация, разоблачив Мухина как троцкиста и националиста, исключила его из партии, Карпов дал распоряжение секретарю союза Калашникову разослать вместе с вновь выпущенным альманахом номер журнала «У Вий» со статьей Мухина.

Карпов всячески старался выпятить роль Мухина в марийской литературе. Например, в рецензии на программу по марийской литературе для школ Карпов отметил неправильность исключения из программы литературы с националистическим душком, подчеркивая, что в программе слишком мало места отведено произведениям В. Мухина.

Крупным поэтом Карпов считал и другого националиста — Н. Мухина, который в ряде произведений протаскивал ярко выраженные националистические идеи. Например, Н. Мухин «не видел» коренных изменений в жизни марийского крестьянства, об'единенного в колхозы.

Карпов, хорошо зная националистические настроения Н. Мухина, все же взял на себя организацию издания сборника его стихов и написал к сборнику хвалебное предисловие, в котором величает Мухина «певцом народного горя», «подражателем поэта Никитина» и т. п.

В марийском союзе советских писателей всякая попытка критики работы союза встречалась буквально в штыки.

Произведения писателей обсуждались крайне редко, да и то лишь в ограниченном кругу лиц.

Заведующий марийским издательством враг народа Эшкинин категорически отказывался печатать произведения молодых писателей и этим оттолкнул их от литературной работы.

Большинство членов союза разобщено между собою, отстало от жизни, оторвалось от современной тематики и занимается исключительно описанием исторического прошлого марийского народа. Это привело к тому, что мы на сегодняшний день не имеем в марийской литературе современных произведений, советских произведений, дающих яркие образы героев социалистического строительства — стахановцев. Не показано в марийской художественной литературе лицо врагов народа — троцкистов и националистов.

Политико-воспитательной работы среди писателей не велось. Писательская организация, «руководимая» врагом народа Карповым, не обсуждала даже материалов судебного процесса над контрреволюционным троцкистско-зиновьевским параллельным центром.

Преступная деятельность контрреволюционных националистов в писательской организации привела ее к полному развалу.

От писателей и областной организации потребуется много усилий для оздоровления этой организации.

Культпрос обкома ВКП(б) Марийской области

КОБОЗОВ

Б. Кайралик — «А. М. Горький» (Выставка московских скульпторов в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве)

НОВОЕ В ЖУРНАЛАХ

«Интернациональная литература»

Выходящий в ближайшее время четвертый номер журнала «Интернациональная литература» (которого давно уже дожидается терпеливый читатель!) открывается стихотворением известного испанского поэта Рафаэля Альберти «Защита Мадрида».

Борьбе испанского народа с интервентами и мятежниками посвящен также очерк Рамона Х. Сендера — «Первая стальная». Автор рассказывает в нем о боевых буднях первой роты Стального батальона знаменитого пятого полка. Репортаж Р. Х. Сендера вышел отдельной книжкой в издании пятого полка.

В номере помещен перевод XII тома («Творцы») — известного цикла романов «Люди доброй воли» французского писателя Жюля Ромена.

В «Творцах» главные действующие лица — врач Виор и поэт Стрижелиус: в предыдущих томах они упоминаются лишь вскользь. Поэт Стрижелиус — эпигон символизма, исповедующий философию безнадежности, жалкий ремесленник, изощряющийся в составлении «красивых», штампованных и бессмысленных стишков. Эту галлерею дополняют бездарный романист Жорж Аллори и беспринципный социал-предатель Гюро. Гюро, вначале прикидывающийся другом и защитником интересов рабочих, становится впоследствии верным слугой нефтепромышленников, а затем владельцев металлургических и орудийных заводов. В лице Гюро автор создал типичную фигуру — одну из характернейших фигур довоенной Франции.

★

Журнал продолжает печатание «Лже-Нерона» Лиона Фейхтвангера, (авторизованный перевод В. С. Вальдман).

Перевод этого же романа печатается одновременно в журнале «Октябрь». Нет слов, «Лже-Нерон» Фейхтвангера — большое произведение искусства. Но оправдано ли такое дублирование со стороны редакции журнала «Октябрь»?

Песни и баллады американских поэтов (Бен Люсиэн Бурмэна, Эдуарда О'Коннора, Вэгел Линдзи), переведенные Иваном Кашкиным, будут встречены с несомненным интересом читателем, мало знакомым с американской поэзией XX века. Переводчик в предисловии справедливо замечает, что «своей жизненностью и самобытностью американская поэзия XX века в значительной степени обязана тесной связи с народным творчеством».

★

В четвертом номере журнала заканчивается печатание очерков «неистового репортера» Эгона Эрвина Киша — «Приезд в Австралию». Киш хорошо известен советскому читателю как мастер «большого репортажа».

В очерках его читатель найдет ряд интересных бытовых зарисовок, острые сатирические наблюдения над общественной и политической жизнью Австралии, где так своеобразно преломились традиционные черты английской империалистической политики — «политика кнута и пряника», беспощадное подавление революционного рабочего движения, варварская эксплоатация туземного населения.

★

В связи с 95-летием со дня смерти Стендаля «Интернациональная литература» печатает в №№ 4 и 5 отрывки из его «Дневника», впервые появляющиеся в русском переводе.

Изданные в Париже «Дневники» Стендаля (четыре тома) охватывают период с 1801 по 1818 г. Отрывки, напечатанные в № 4 «Интернациональной литературы», относятся к 1801—1808 годам, к тому непродолжительному времени, когда Стендаль жил более или менее оседло в Париже, занимался философией, литературой, в частности Шекспиром, и внимательно следил за театральной жизнью.

«Высказывания об искусстве, — отмечает редакционное предисловие, — которыми заполнен «Дневник» Стендаля, величайшего мастера буржуазного реализма—это первые формулировки, непосредственные выражения его взглядов, вкусов, мнений, впоследствии развитых в ранних его работах об искусстве и литературе («История живописи в Италии» — 1817 г. и др.) и поздних («Расин и Шекспир» — 1823 г.).

В КОМИССИИ КРИТИКОВ ЗАПАДНЫХ ЛИТЕРАТУР

Четыре месяца назад президиум правления ССП решил для оживления критической работы создать ряд комиссий, которые бы об'единили критиков по отдельным областям критической работы.

Комиссия критиков западных литератур разработала план своей работы, наметила выпуск сборников по проблемам западной литературы и провела обсуждение двух докладов. Опыт коллективного обсуждения целиком себя оправдал, позволив до напечатания работ в сборнике внести в них ряд существенных исправлений, дополнений и т. д.

Первой обсуждалась работа т. Е. Ф. Книпович «Проблемы исторического романа на Западе». В докладе дана характеристика ряда последних исторических романов западно-европейских писателей, намечены основные течения среди писателей-антифашистов, творческое внимание которых привлекает историческая тематика. Принципиальных возражений доклад Е. Книпович не вызвал. Большинство выступавших в дискуссии (Г. Лукач, С. Динамов, Е. Гальперина и др.) развивало соображения докладчика, дополняя их, и уточняло отдельные положения.

Несколько иначе прошло обсуждение доклада т. Фрида «Поль Валери и формализм в искусстве». Доклад вызвал серьезные возражения со стороны ряда членов комиссии, отмечавших наряду с этим его положительные стороны.

На очередных заседаниях комиссии будут заслушаны доклады т. Динамова «О процессах, происходящих в современной западной литературе», и т. Лейтеса «Демократическая тема в западной литературе».

Комиссия утвердила тематический план первого сборника работ членов комиссии по вопросам западной литературы. В сборник войдут, кроме вышеперечисленных докладов, уже обсуждавшихся или намеченных к обсуждению на комиссии, работы т. Гальпериной — «Тема родины у западных писателей», т. Рейх — «Философия культуры современного Запада», т. Миллер-Будницкой — «Проблема нового эпоса» и т. Этингена — «Тема маленького человека».

Т. Р.

ГАЗЕТЫ СООБЩАЮТ:

Приехавший из Севастополя в Батуми **А. С. Новиков-Прибой** сообщил сотруднику Грузтага:

— У меня давно сложилась мысль описать жизнь спасательной станции, так как серьезного художественного произведения на эту тему нет во всей мировой литературе. Несколько лет назад такой материал я изучал в Севастополе, но он оказался недостаточным.

В Батуми я сейчас изучаю жизнь 73-летнего героя труда, бывшего матроса батумской спасательной станции Мамеда Байрам-оглы, прослужившего на ней 50 лет и спасшего несколько тысяч жизней утопавших. Это послужит материалом для будущей моей повести из жизни спасательной станции. (**«Молодой сталинец»**. Тбилиси).

★

В Смоленском пединституте состоялось выступление А. С. Макаренко. Городские учителя и студенты с большим интересом слушали рассказ педагога-писателя о его личном опыте в педагогической работе.

Сотруднику газеты А. С. Макаренко сообщил, что в настоящее время он работает над художественным произведением, которое будет называться «Книга для родителей». Оно появится в седьмой книжке журнала «Красная новь».

А. С. Макаренко намерен также писать книгу о трудколонии имени Дзержинского, в которой, как известно, он долгое время работал. (**«Большевистская молодежь». Смоленск**).

★

В свой родной город Серафимович приехал на все лето писатель-орденоносец А. С. Серафимович, который поселился на самой тихой, Новоклинской, улице. Дом, в котором живет писатель, заново отремонтирован и обставлен.

— Мне хочется, — сказал А. С. Серафимович сотруднику газеты, — ближе присмотреться к жизни района и города. Материалы, которые я здесь соберу, будут использованы в моей книге о строительстве колхозов. (**«Сталинградская правда»**).

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-68.

В. ЛОБАНОВ

Русская культура и Франция

Редакция «Литературного наследства» заканчивает подготовку к печати четырех сборников, посвященных изучению франко-русских литературных и культурно-политических взаимоотношений в XVIII и XIX столетиях.

Помимо статей и обзоров, большая часть которых основывается на неопубликованных материалах, в сборниках печатается обширное собрание неизданных документов, имеющих первостепенное значение для истории французской литературы.

Публикация текстов французских писателей открывается сообщением о хранящихся в Ленинграде рукописях из библиотеки Рене Анжуйского (XV в.). Эти рукописи являются драгоценнейшими документами не только литературы, но и искусства старой Франции.

★

Французская просветительная литература XVIII века представлена новыми текстами Вольтера, Руссо, Гельвеция, Д'Аламбера, Дидро, а также различными документами, относящимися к ним.

Исключительно интересны материалы по **Вольтеру.**

В сборниках печатаются две неизданные рукописи писателя: ранний фрагмент трагедии «Дон Педро» (152 строки) и «Посвящение» трагедии «Олимпия» известному деятелю XVIII века И. И. Шувалову. Фрагмент «Дон Педро» написан не каноническим для французской трагедии александрийским стихом, а неровными строками вольного стиха. «Посвящение» И. И. Шувалову содержит новые и чрезвычайно яркие данные о взглядах Вольтера на драматургию и сценическое искусство.

Существенно пополняют известное уже эпистолярное наследие Вольтера 178 подлинных писем философа к семье Даржанталь Пон де-Вейль. Дано также описание личной библиотеки Вольтера. Как известно, эта библиотека с XVIII века находится в России.

★

Литература французской буржуазной революции 1789—1799 гг. представлена патриотической пьесой «Обеты гражданок» («Национальная санкюлотида — торжественное представление с пением, речами, танцами, балетом и т. д.»). Автор ее **Марк Антуан Жюльен** — якобинец, депутат Законодательного собрания и Национального конвента, а после падения наполеоновской империи — известный либеральный публицист и журналист.

В публикуемом впервые письме к своему другу Робеспьеру Жюльен писал первого флореаля (20 апреля) 1794 г.: «Я составил маленький патриотический дивертисмент «Обеты гражданок». Я буду иметь честь представить его Комитету общественного спасения и в случае одобрения напечатаю это небольшое произведение вместе с приложенными к нему замечаниями об исполнении республиканского балета, которым пьеса заканчивается, для постановки ее в Париже и в других коммунах. Я не смотрю на эту работу, как на работу чуждую моей миссии — делу формирования общественного духа...»

Термидорианский переворот исключил возможность появления «Обетов гражданок» как в печати, так и на театральных подмостках.

★

Много новых, интересных сведений и фактов литературных и общественных течений конца XVIII, начала XIX столетия находим мы в переписке и мемуарах, извлеченных из архивов **Стурдзы-Эдлинг** и баронессы **Крюденер.**

Р. С. Стурдза в интереснейших письмах из Парижа к родным подробно характеризует политическую и литературную жизнь эпохи июльской монархии, описывает салоны Свечиной и Рекамье, заседания парламента, много говорит о Шатобриане, Сент-Беве и др. Здесь же публикуется ряд исторических материалов (письма французов о Ста днях, документы о создании Священного союза и т. п.), и, наконец, 18 писем Сент-Бева к Стурдзе — ярчайший памятник литературной жизни 40-х гг. и драгоценное дополнение к известным уже письмам знаменитого критика.

Любопытные данные о литературных и политических салонах эпохи консульства, империи и реставрации содержатся в письмах Шатобриана, м-м Сталь, Бенжамена Констана к баронессе Крюденер.

★

Значительное внимание уделено **Бальзаку.** Найденные в архивах СССР и частично во Франции материалы — около 30 неизданных писем романиста к русским людям, его официальные прошения, несколько архивных дел, связанных с троекратным и длительным пребыванием писателя в России, документы о крестьянских волнениях в Киевской губернии, свидетелем которых он был, — дают основания для новой разработки темы «Бальзак в России».

Своеобразный интерес представляют архивные данные о русских отношениях А. Дюма (отца) и об его путешествии в Россию — несколько писем Дюма к Николаю I и министру просвещения С. С. Уварову связаны с историей поднесения французским писателем русскому императору одной из своих драм. Тут же печатаются документы о награждении Дюма за это подношение польским орденом Станислава «для воздействия на польских эмигрантов в Париже».

Эти факты до сих пор не освещены ни в одной биографии Дюма.

Большое количество неопубликованных текстов приводится в исследовательских работах, выясняющих роль и значение французской литературы в творчестве **Пушкина, Тургенева, Толстого** и др. крупнейших русских писателей.

В числе этих материалов — 54 письма И. С. Тургенева к Густаву Флоберу, Эд. Гонкуру, Максиму Дюкану, письма П. А. Вяземского из Парижа (1838—39 гг.), письмо Вяземского к редактору «Revue Encyclopedique», уже упомянутому Марк Антуану Жюльену.

Последний документ имеет значение первостепенного памятника русской политической литературы 20-х годов XIX века. Написанное Вяземским в период его увлечения французским либерально-конституционным движением письмо проникнуто духом резкой политической оппозиционности к аракчеевщине и самодержавию.

★

Подробно освещена контрреволюционная роль царского правительства по отношению к французской буржуазной революции 1789 года и реакционная политика царизма в Европе в начале XIX века.

Дипломатические донесения русского посла в Париже (1784—92 гг.) И. М. Симолина, два письма Марии Антуанетты к Екатерине II, ответное (неотправленное) письмо Екатерины, материалы о Жозефе де-Местре, донесения секретного агента русской политической полиции Якова Толстого, «работавшего» по заданиям III отделения в Париже с середины 30-х годов XIX века до начала Крымской войны, — все эти документы содержат исключительные по своему интересу материалы для характеристики царизма, как «жандарма Европы».

★

В сборниках впервые воспроизводится большое количество первоклассных произведений французской живописи, рисунков и скульптуры: портреты писателей, иллюстрации на темы французской художественной литературы.

Публикуется неизданная рукопись с миниатюрами знаменитого памятника французской аллегорической поэзии «Романа Розы» (рукопись начала XVI в.), ряд других старо-французских миниатюр (XIV—XVI вв.), портреты Ронсара и Клеман Маро (рисунки XVI в.), портреты и портретные скульптуры Мольера, Корнеля, Вольтера, Руссо, Монтескье, иллюстрации к произведениям Мольера, Лафонтена, Вольтера, Бернарден де Сен-Пьера и др.

Наряду с советскими учеными в сборниках участвуют французские исследователи.

★

Об'ем всего издания 200 печ. листов — 150 листов на русском языке (3 выпуска) и 50 листов на французском языке (1 выпуск). Количество иллюстраций, представляющих в большинстве случаев самостоятельный научно-художественный интерес, — свыше 600, из них 30 воспроизведены по способу многоцветной печати и фототипии (одноцветной и цветной).

Полиграфическому оформлению книги уделяется особое внимание. Все издание осуществляется типографией Гознака.

Один из выпусков (второй) выйдет из печати в самое ближайшее время, остальные три в течение летних месяцев этого года.

Уполномоч. Главлита В—26129.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.